

Шэрон Кендрик Мастер соблазна

Серия: *Принцы пустыни – 3*

OCR: *Lovely*; SpellCheck: *vesna*

«Мастер соблазна»:
Радуга; Москва; 2007; ISBN 978-0-263-85317-9
Перевод: Н. Кориунова

Аннотация

Малик – шейх Харастана, и он не может позволить себе отвлекаться от государственных дел, ему не до любви. Но когда его воспитанница Соррель решает уехать в Англию, чтобы познать удовольствия жизни, он понимает: пришла пора действовать. Соррель хочет узнать, что такое страсть. Он сам покажет ей это.

Шэрон Кендрик Мастер соблазна

Глава первая

– Малик, я... – Соррель замолчала, не в силах сказать самое главное, потом заставила себя улыбнуться. – Я ухожу.

В этот момент ей отчаянно хотелось, чтобы ее слова прозвучали как-нибудь по-другому, не так жестко.

Малик поднял взгляд от документов, которые читал, и посмотрел на Соррель. В его черных глазах девушка увидела раздражение, которое он и не пытался скрыть. В прессе его взгляд называли холодным, устрашающим, а самые впечатлительные журналисты писали: у шейха взгляд как у хищника, высматривающего добычу.

– В чем дело? – нетерпеливо спросил он.

– Я хотела сказать... – Соррель в отчаянии посмотрела на Малика. Он выглядел великолепно в национальной одежде из переливающегося шелка. Мужчина даже не взглянул на нее, когда она вошла, и сейчас едва ли слышал, что она сказала! – Я хотела... Я уезжаю из Харастана, – выпалила девушка.

Малик нахмурился. Он был слишком занят, чтобы вникать в ее слова. Ему предстояло решить серьезные государственные проблемы, и он не хотел отвлекаться на мелкие домашние неурядицы обитателей его дворца.

– Не сейчас, Соррель, – проворчал он.

Не сейчас? Малик отмахнулся от нее как от назойливой мухи, по недоразумению залетевшей в его роскошный кабинет. И это сейчас, когда ей так нужна поддержка!

Янтарный солнечный свет заливал комнату, и золотые блики плясали на стенах. Соррель смотрела на мужчину, сидящего за столом, и уже в который раз ее сердце сжалось. Чем скорее она научится контролировать свои эмоции, тем скорее избавится от того влияния, которое Малик оказывает на нее. Пытаясь не обращать внимания на шарм и притягательность шейха, Соррель вопросительно посмотрела на него.

– Но когда же мы сможем поговорить, Малик?

– Ты видишь это? – он раздраженно махнул рукой в сторону кипы документов на своем столе. Около него лежал исписанный ежедневник – ни одной свободной строчки. – Ты же прекрасно знаешь, необходимо как можно быстрее решить спорный вопрос с Марабаном по поводу границы. Через несколько часов к нам прибудет новый посол, и мне придется его встречать. Я очень занят, как ты не понимаешь?

– Да, Малик, – вздохнув, кивнула Соррель. – Конечно, я понимаю.

Стоило ли задавать мне этот вопрос?..

Интересы Малика всегда стояли для Соррель на первом месте, даже когда он был всего лишь советником прежнего шейха, пусть и самым ценным и доверенным. Это сейчас Малик – центр вселенной. Внимание всего мира устремлено на него. Если он приказывал прыгать на одной ножке, люди прыгали, да еще и с подобострастной улыбкой на лице.

Конечно, так было не всегда. Малик поздно начал интересоваться политикой. До последнего времени он и понятия не имел, что является незаконнорожденным сыном шейха. Он узнал эту ошеломляющую новость всего два года назад. Старый правитель умер, и Малик в одно мгновение превратился из простого советника в шейха. Кажется, он уже привык к этой роли и прекрасно с ней справлялся. С окружающими он стал вести себя холодно и отстраненно. Новый шейх не мог допустить, чтобы у него отнимали самое дорогое, чем он располагал, – время.

Но в глубине души Соррель надеялась, что Малик сделает для нее исключение. Разве ему не приходило в голову, что она хотела как можно быстрее рассказать ему о своем решении начать жить самостоятельно? Ну конечно, нет.

Мне так надоело быть просто его тенью... Он меня даже не замечает!

Сколько Соррель знала Малика, он всегда был властным и надменным, но когда он стал правителем Харастана, его гордость и высокомерие перешли всякие границы. Его желания были превыше всего, и Соррель с грустью пришла к выводу, что в его жизни не осталось места для

нее.

Изменился не только Малик, она тоже стала другой. В какой-то миг девушке стало некомфортно в стране, в которой она провела большую часть своей жизни, она чувствовала себя здесь не на своем месте.

Но где же мое место?..

Этот вопрос не давал ей покоя. Но когда она задумывалась над ним, ей становилось страшно. Она боялась будущего.

Малик перелистал свой ежедневник и нахмурился – он знал: не в правилах Соррель мешать его работе.

– Здесь не написано, что ты назначала встречу. Ты ведь предупреждала меня заранее?

Как же ей хотелось стереть это надменное выражение с лица мужчины, который стал ее кумиром с тех самых пор, когда она впервые увидела его! Этот человек спас ее, стал официальным опекуном после смерти ее родителей, позволил ей остаться в Харастане вместо того, чтобы отослать назад, в Англию. Теперь его грубое отношение к ней разбивало сердце Соррель, и она ничего не могла с этим поделать.

– Нет. Я не назначала встречу, – прямо сказала она.

Глаза Малика сузились. Да что с ней такое происходит в последнее время? Ему всегда нравилось общество Соррель, с ней он мог поговорить и расслабиться, а сейчас она стала очень резкой с ним.

– Хорошо. Тогда говори быстрее, – нетерпеливо бросил он, взглянув на часы. – В чем дело? Соррель провела языком по внезапно пересохшим губам.

– Я хочу поехать в Англию, – наконец сказала она.

– В Англию? – Малик нахмурился. – Зачем? Почему?

– Потому что... – *С чего же начать? Но не с правды, это очевидно. Потому что я люблю тебя. Люблю уже много лет, а ты даже не замечаешь меня...* Нет, так нельзя, правда приведет его в ужас.

Соррель не имела опыта отношений с мужчинами, но во дворце была великолепная библиотека, и, прочитав достаточно классических любовных романов, девушка поняла: она лишь теряет время с шейхом Харастана, укравшим ее сердце.

– Потому что мне уж двадцать пять.

– Как? – воскликнул Малик. – Не может быть!

Его слова действовали на девушку, словно удар хлыста. Он даже не знал, сколько ей на самом деле лет! Видимо, поэтому шейх обращался с ней, как с шестилетней девочкой.

– Думаю, если кто и знает точно, сколько мне лет, так это я сама, – с сарказмом заметила она.

– Да... Конечно... Двадцать пять... – удивленно пробормотал Малик и взглянул в глаза Соррель. – Как такое могло случиться?

Девушка попыталась не обращать внимания на то, что его взгляд внезапно стал грустным и задумчивым.

Это просто я стала чересчур сентиментальной. Вряд ли Малик на самом деле вспоминает те дни, когда он еще был советником шейха!..

– Время бежит очень быстро, – сказала она, понимая, насколько натянуто прозвучали ее слова. Но годы действительно уходили, ее молодость – тоже, а Соррель все мечтала о мужчине, который не замечал ее... По крайней мере, как женщину. Однажды, возможно уже в недалеком будущем, Малик начнет подыскивать себе невесту, достойную девушку из Харастана... – Я не могу оставаться здесь вечно, – закончила она.

– Но ты же не знаешь Англию, – возразил Малик. – Ты очень давно там не была.

– Да, я тогда еще училась в школе-пансионе, – согласилась Соррель. – Но и в то время нельзя было сказать, что я *жила* там. Нам разрешали выходить из школы только раз в неделю по субботам, чтобы мы могли потратить карманные деньги и купить конфет в деревне.

Взгляд Малика тут же смягчился. Он знал Соррель с тех пор, когда она была очаровательным белокурым ангелочком, приводившим в восторг окружающих.

Ее родители были дипломатами, талантливыми учеными и друзьями Малика. Они погибли – их самолет разбился в горах на границе с Марабаном во время урагана. Шестнадцатилетняя Соррель осталась сиротой.

Возможно, если бы она была моложе, то согласилась бы вернуться на родину и жить с дальними родственниками, которые соглашались взять девочку к себе. Если бы она была старше, то не нуждалась бы в опекуне. Но Соррель не могла остаться одна, и ее опекуном согласился стать Малик, близкий друг ее семьи.

Он был старше ее лишь на тринадцать лет, и даже в куда менее пуританской стране, чем Харастан, возникли бы вопросы о возможности совместного проживания шестнадцатилетней девочки и молодого мужчины. Но у Малика была безупречная репутация, поэтому никаких проблем не возникло. Он занимался образованием и воспитанием Соррель и очень строго относился к ней. И девочка никогда не давала ему повода злиться на нее и беспрекословно слушалась его...

До этого момента.

Малик неотрывно смотрел на нее. По традиции в Харастане женщины носили длинные закрытые платья, поэтому он не мог рассмотреть ее фигуру. Но по тому, как струящаяся ткань облегалась ее тело, было видно, что Соррель – стройная и красивая молодая женщина. У нее были голубые глаза и от природы яркие губы. Из-под шелковой накидки выбилась прядь светлых волос, на лице никакой косметики. Он только сейчас понял, что она успела превратиться в красавицу, а он даже не заметил.

Должен ли я отпустить ее?

– А ты не можешь просто провести какое-то время в Англии, а потом вернуться? – мрачно спросил Малик.

Соррель вздохнула. Но она же не могла рассказать ему, почему на самом деле уезжает.

– Нет, Малик, – терпеливо произнесла она, понимая: на свете немного людей, которые рискнуть сказать ему «нет». – Я хочу по-настоящему пожить в Англии. Я ведь даже в университете училась здесь, в Кумуш Эй...

– И у этого университета прекрасная репутация во всем мире! – с гордостью воскликнул шейх, перебив ее. – И обучение в нем позволило тебе стать, возможно, единственной женщиной с Запада, прекрасно знающей наш язык. Ты говоришь на нем почти так же бегло, как и я.

– Спасибо. – Соррель слегка наклонила голову – шейх только что сделал ей комплимент, и не отреагировать на него было бы невежливо. Но она еще раз убедилась, как сильно Малик изменился за последнее время. Когда-то она могла шутя дразнить его или спорить с ним. А теперь... И чем дольше она останется здесь, тем будет хуже. – Я не хочу, чтобы моя родная страна стала мне чужой, – с жаром произнесла Соррель.

Малик медленно опустил голову.

– Да, – признал он. – Связь человека с родиной очень сильна, ведь это еще и связь с нашими предками и историей.

Соррель захотелось пнуть ножку его письменного стола, чтобы он не выражался столь высокопарно, но не посмела.

Такое ощущение, что ему лет сто, не меньше! Правда, его слова не лишены смысла и идут от самого сердца.

Понятия «родина» и «корни» имели огромное значение для Малика, и вполне естественно, что он понял ее стремление.

В конце концов, он не виноват, что я мечтаю о нем и представляю, как счастливы мы могли бы быть...

– Соррель?

Девушка вздрогнула от неожиданности.

– Да, Малик?

– Скажи, что ты собираешься делать в Англии?

Попытаюсь начать новую жизнь. Буду заниматься тем, что делала бы любая другая в моем возрасте. Не исключено, даже смогу полюбить другого мужчину.

– Найду работу.

– Работу? Какую работу? – скептически воскликнул он.

– Я много чего умею делать, – ответила Соррель.

– Неужели? – Малик откинулся на спинку стула и уставился на нее. – Например?

– Я хороший организатор.

– Надо признать, это так, – сказал шейх. После окончания университета Соррель стала контролировать действия всех служб дворца. Ни один прием на высоком уровне не обходился без

нее – она была прекрасным координатором.

– Также я хорошо разбираюсь в дипломатии.

Малик прекрасно видел, куда она клонит, но он понимал: Соррель слишком ранима и невинна для того, чтобы вот так взять и очертя голову броситься в самостоятельную жизнь, уехав в, по сути, незнакомую ей страну.

– Если ты думаешь, что запросто найдешь себе работу, ты ошибаешься. Тем не менее, я могу поговорить о тебе с некоторыми людьми. Возможно, ты смогла бы пожить в какой-нибудь семье.

– Семье?

– Почему бы и нет? Девочки часто так поступают.

Девочки. Не женщины. С нее было довольно. Не так давно с ее глаз словно упала пелена: оглядев свою просторную комнату с высокими потолками, наполненную антиквариатом, она увидела не уютный будуар, а лишь изысканную клетку. Только на птицу в неволе люди могут смотреть, а ее спрятали от внешнего мира. Она не имела права общаться с мужчинами, носила бесформенную одежду, специально придуманную для того, чтобы скрыть фигуру женщины от чужих взоров. Раньше Соррель не имела ничего против национального платья и накидки, но в последнее время она часто заходила на модные сайты в Интернете и, к своему удивлению, поняла, что хочет носить такие же костюмы.

– Я не девочка! – сказала она, и ее голос дрожал от переполнявших ее эмоций. – Я женщина, а не подросток, за которым нужно присматривать.

Малик вдруг посмотрел на ее губы и замер, словно никогда раньше их не видел. Они напоминали лепестки цветка, розовые и нежные. Понимала ли она, как эти губы действуют на западных мужчин? Малик взглянул на нее.

– Мне бы было спокойнее, если бы ты находилась под надежной опекой, – упрямо сказал он.

Соррель понимала: ей будет нелегко, но она должна встать на ноги и начать жить самостоятельно.

– Может, это покажется тебе странным, но речь не о тебе, Малик. Речь обо мне и моем будущем. С тех пор, как ты стал шейхом, я все время занималась только твоими проблемами.

Малик напрягся, его глаза заблестели.

Она осмеливается критиковать меня? Она намекает, что ей было плохо со мной?!

– Что ж, прости, если тебе пришлось скучать, – медленно произнес он, побелев от ярости.

Неблагодарная девчонка! Я взял на себя заботу о ней, дал ей образование, обеспечил безопасность и комфорт, а она ведет себя, как избалованный ребенок!

Резко поднявшись из-за стола, Малик прошел к окну. Посмотрев на дворцовый сад, он вздохнул. Когда он мог позволить себе беззаботно прогуляться по дорожкам меж деревьев? Ни разу с тех пор, как старый шейх объявил, что Малик – старший из трех его внебрачных сыновей.

В какой-то мере я оказался готов к управлению страной, ведь в течение многих лет я являлся доверенным помощником шейха...

Но роль советника, – не важно, насколько высоко его ценил шейх, – кардинально отличалась от роли правителя. Малику пришлось сильно измениться. Он больше не имел права выразить свое мнение, не обдумав его как следует – его слова могли интерпретировать так, что их смысл стал бы совсем другим. Малик чувствовал: он должен доказать всем – своему народу и самому себе, – что он в состоянии оправдать доверие старого шейха.

Только с Соррель он позволял себе расслабиться и ни о чем не беспокоиться.

И вот теперь она хочет уехать. Малик обернулся и взглянул на девушку. Тревога и волнение в ее глазах потрясли его, и он в который раз убедился, как сильно изменилась его жизнь – Соррель, та, что всегда так спокойно улыбалась ему, сейчас смотрела на него, словно он был жестоким султаном из «Тысячи и одной ночи». Он, Малик, который всегда относился к ней по-доброму!

Что ж, надо отпустить ее. Пусть она посмотрит, каково это – жить одной в Англии.

Однако он решил предпринять еще одну попытку переубедить ее.

– Мы могли бы подыскать тебе пост в посольстве Харастана.

– Спасибо, но – нет.

Любого другого человека он уже давно бы перестал уговаривать. Но, черт возьми, это же

Соррель!

– Ты точно не хочешь, чтобы тебе кто-нибудь помог? – спросил он.

Девушка помедлила: она боялась задеть или обидеть Малика.

– Думаю, будет лучше, если я первый раз в своей жизни все сделаю сама, – она умоляюще посмотрела на шейха, но его глаза оставались холодными. – Малик, разве ты не можешь меня понять?

– Кажется, ты забыла, – жестко возразил он. – Понимать подданных – не моя забота.

Его ледяной взгляд обжигал Соррель, она чуть не плакала. Девушка и представить не могла, что Малик будет так с ней разговаривать.

Разве я просто его подданная? Неужели он так ко мне относится?

– Конечно, ты прав, – ответила она, опуская голову ~ просто ей не хотелось, чтобы он увидел ярость в ее глазах. Когда девушка снова посмотрела на Малика, она уже взяла себя в руки и даже смогла улыбнуться. – Ну так я начну собираться.

– Конечно, – холодно сказал он и взял со стола золотую ручку, всем своим видом показывая, что разговор окончен.

Но Соррель не собиралась так просто сдаваться.

– Полагаю, отец оставил мне какие-то деньги?

Малик подавил искушение использовать свою власть, ведь он был доверенным ее отца и мог распоряжаться его состоянием.

Попробовала бы Соррель пожить без денег в чужой стране... Тогда она оценила бы спокойную жизнь в стенах дворца...

Но он не собирался отнимать у Соррель то, что принадлежало ей по праву, и запирать ее во дворце, который ей опостылел. Еще пять минут назад он сам чувствовал себя как зверь в клетке, так зачем же подвергать этим же мучениям кого-то еще?

Потому что я стану скучать по ней.

Несомненно, Соррель будет приезжать в Харастан время от времени. Он сможет наблюдать, как она меняется, становясь самостоятельнее...

Становясь чужой и далекой.

Но жизнь есть жизнь.

– Да, Соррель, – сказал он, – деньги твоего отца не только сохранились, за это время накопились проценты. – Он увидел, как ее глаза расширились, и быстро добавил: – Это не значит, что ты станешь состоятельной женщиной, но сумма вполне приличная. Я советую тебе тратить их осторожно – до тех пор, пока ты не научишься обращаться с деньгами.

Соррель посмотрела на него в недоумении.

Он что, думает, я собираюсь купить несколько сотен пар обуви или потратить все на бриллианты?..

– Спасибо за совет, – жестко сказала она. Малик немного расслабился – значит, она готова его выслушать!

– Может, мне попросить кого-нибудь дать тебе несколько уроков по планированию бюджета?

Какое-то время Соррель колебалась, готовая согласиться на предложение Малика, но потом в ней поднялось чувство протеста – всю жизнь ее кто-то поучал и помогал принять решение. Она не ходила по магазинам за продуктами, никогда не готовила еду – то есть не делала ничего, что делают обычные двадцатипятилетние женщины.

Кроме того, каким образом уроки дворцовых финансовых советников могут помочь ей в дальнейшей жизни в Англии? Они вряд ли подскажут ей, как оплачивать счета за центральное отопление...

– Спасибо, Малик, но я хочу всему научиться сама.

Его глаза сузились.

– Иногда ты можешь быть очень упрямой, – мягко сказал он.

– Это не упрямство, Малик. Это стремление к независимости.

Он замялся, но все равно задал следующий вопрос, зная, что нарушает правила этикета:

– Тебе в самом деле не нужна моя помощь?

Соррель покачала головой и почувствовала, как зашелестела ее накидка. Девушка всегда ее носила, но совсем скоро она сможет от нее избавиться. Ходить с непокрытой головой женщине в

Харастане просто невысказуемо.

Да, уехав в Англию, я обрету свободу во всех смыслах этого слова...

А главное, я освобожусь от безответной любви к шейху.

– Я хочу все сделать по-своему, – повторила Соррель.

Сейчас она должна была радоваться, но ее сердце почему-то сжалось от страха, когда она посмотрела в черные глаза Малика. Соррель поняла: несмотря ни на что она хочет получить его благословление.

Мы должны остаться друзьями...

– Так что ты думаешь? – дрожащим голосом спросила она.

Малик пренебрежительно пожал плечами.

– Поступай как хочешь, Соррель, – холодно сказал он и принялся за чтение следующего документа, как бы говоря ей, что он умывает руки. – Все. Думаю, тема закрыта, если не возражаешь. Я очень занят сейчас.

Соррель потрясенно смотрела на него. Он попросил ее уйти, как прислугу, и просто вернулся к своим делам. Она с трудом сдерживала ярость и боль, но ей удалось выйти из кабинета шейха с высоко поднятой головой.

Она еще покажет Малику, на что способна. Она уедет отсюда в большой мир и начнет новую жизнь.

Но почему же у нее было так тяжело на сердце, когда она вошла в свою роскошно обставленную комнату и посмотрела на изящную мебель, картины в золотых рамах, на ряды редких фолиантов с красивыми тисненными золотом переплетами, которые она унаследовала от отца... Соррель выглянула в окно. Она обожала открывающийся из него вид – дворцовые сады, изумрудно-зеленая лужайка, большой пруд и фонтан. На серебристом фоне воды выделялись своим ярким оранжево-розовым оперением фламинго – удивительные, сказочные птицы. Частыми гостями на пруду были дикие утки и гуси, они отдыхали здесь на пути к теплым морям. Сколько раз Соррель замечала удивление на лицах приезжавших во дворец шейха иностранцев – вероятно, они и представить себе не могли, что в пустыне можно увидеть такую красоту.

А я собираюсь покинуть эту изумительную страну...

Девушка отвернулась от окна и посмотрела на фотографии в рамках, стоящие на рояле. Там было много черно-белых портретов ее родственников, свадебная фотография ее родителей, снимок, где они втроем отдыхали на берегу моря...

Но только одна фотография притягивала ее взгляд – портрет Малика в день коронации. Соррель взяла рамку в руки и долго смотрела на любимое лицо. Невольно на ее глаза навернулись слезы, а сердце сжалось от какого-то мрачного предчувствия. Девушка быстро поставила фотографию на место и отвернулась.

Глава вторая

«Все будет совсем не так, как ты себе представляла. Люди станут относиться к тебе совсем по-другому. Соррель, возвращайся ко мне, если попадешь в беду».

Соррель вновь и вновь вспоминала слова, которые Малик сказал ей на прощание – перед тем, как захлопнуть за ней дверь лимузина. Она уехала от него.

Навсегда?..

Это просто смешно. Конечно, она увидит его снова. И вообще, она проделала такой долгий путь и перевернула свою жизнь с ног на голову не для того, чтобы все время думать о Малике.

Здесь, в Англии, Соррель поняла, как трудно ей не думать о нем. Также она не могла не сравнивать свой новый образ жизни с прежним, к которому она привыкла. Все было совсем по-другому, не так, как в Харастане. После замкнутого мирка дворца Малика девушка наконец-то ощутила вкус свободы...

Но, похоже, за свободу надо платить.

Хорошо, что у нее было достаточно денег – по крайней мере, на первое время. Соррель решила снять квартиру, но не в Лондоне – столица показалась ей слишком большой и шумной, и она боялась затеряться в ней. Так что этот вариант она отменила сразу – так же, как и квартиры в маленьких скучных провинциальных городках.

В конце концов Соррель выбрала Брайтон. Она проводила в нем каникулы, когда была ре-

бенком.

Она помнила, что этот чудесный прибрежный город очаровал ее с первого взгляда.

Соррель удалось найти подходящую квартиру на набережной. Просторная, с огромными окнами от пола до потолка, она была залита солнечным светом. Хозяин, очень успешный художник, Джулиан де Хавилленд, поставил Соррель в известность, что он сдает свои комнаты только людям «с хорошей энергетикой». Девушка подозревала, что эта квартира, обставленная лишь самой необходимой мебелью, вряд ли могла пользоваться ажиотажным спросом, но сама она была от нее в восторге.

– Пожалуй, я сниму ее, – сказала она, глядя из окна на то, как солнце отражается в море.

– К сожалению, здесь нет занавесок, – сказал Джулиан, запуская пятерню в свои уже и без того взъерошенные волосы.

– А кому они нужны? – беззаботно ответила Соррель, подумав, что раздеваться она будет в ванной комнате.

– Вы работаете в Брайтоне? – с любопытством спросил художник, глядя, как она проводит ладонью по мраморному камину.

– Нет. У меня вообще нет работы, – сказала она, но, заметив, что этим только разожгла интерес. Джулиана, поспешно добавила: – Ну, пока нет. Как раз собираюсь заняться поисками...

Соррель вдруг поняла, что ей действительно придется искать работу, ведь только так она сможет познакомиться с новыми людьми.

– А кто вы по профессии? Чем хотите заниматься?

Хороший вопрос. А чем я занималась раньше?

– Я говорю по-французски и по-немецки...

– Бегло?

– О да. – Соррель не стала упоминать о своем владении харастанским языком. Она не намерена была афишировать, что является почти родственницей шейха Харастана.

Это было бы нечестно по отношению к Малику.

Конечно, некоторые просто подумали бы, что она фантазирует, но многие, несомненно, захотели бы воспользоваться ее знакомством с шейхом в корыстных целях. А Соррель не хотела рисковать их с Маликом дружбой ради...

Дружбой?..

Малик не стал утруждать себя ответами на ее послания по электронной почте, ни разу не взял трубку, когда она звонила... Шейх проигнорировал открытки, в которых Соррель в самой непринужденной манере писала ему, что великолепно проводит время и наслаждается свободой, делая вид, будто не скучает по нему и своей жизни в чудесной экзотической стране.

Но она безумно скучала – по нежным закатам и огненно-красным восходам, по суровой красоте пустыни, по теплomu ароматному воздуху дворцовых садов. И, если честно, могла ли она не скучать по всем тем привилегиям, которыми она пользовалась в Харастане? Разве она не привыкла к прислуге, выполнявшей каждое ее желание? Ей стирали и гладили одежду, готовили и подавали обед...

Но больше всего Соррель скучала по Малику, по его красивому лицу, глубокому, низкому голосу. Ей не хватало сладостного чувства ожидания, что он в любой момент может появиться из-за поворота в окружении своих многочисленных советников, которые неизменно почти бежали за ним, не в силах шагать так же широко и упруго...

Но все это говорило лишь о том, как безнадежны ее фантазии. Попытавшись проанализировать их с Маликом отношения, Соррель поняла, что их, по сути, и не было. Она всего лишь несколько раз в день мельком видела Малика, с восторгом слушала его, когда он произносил речи, но разве это похоже на дружеские отношения? Скорее, Соррель вела себя как фанатка, испытывающая благоговение перед знаменитостью.

Я никогда не была равной ему.

До того, как стало известно, что Малик является законным наследником трона, у нее еще оставалась надежда – он мог полюбить ее тогда... Но не полюбил. Возможно, Малик всегда чувствовал, что его ждет необычная судьба. Соррель осталось только покориться и научиться жить без него – сперва в Харастане, затем здесь.

Конечно, для меня это большой стресс, но именно он необходим мне, чтобы начать жизнь заново, думала Соррель, выписывая чек для Джулиана.

Джулиан взял его, свернул и положил в задний карман джинсов.

– Итак, если вы ищете работу и знаете несколько языков, почему бы вам не обратиться в «Альтернативное туристическое агентство»? – спросил он и, поймав ее удивленный взгляд, пояснил: – Оно специализируется на нестандартных туристических маршрутах, но и обычный тур там тоже можно заказать. К ним часто обращаются клиенты, не говорящие по-английски. У агентства есть маленький офис на набережной.

– И им сейчас нужны сотрудники?

Джулиан усмехнулся.

– Им постоянно нужны сотрудники. Много они не платят, но атмосфера там довольно расслабляющая.

Джулиан оказался прав. Агентство находилось в паре минут ходьбы от дома, где находилась квартирka Соррель, между магазином одежды и баром. На подоконниках офиса медленно увядали цветы, по столам были разбросаны журналы с вырезанными рекламными объявлениями, из магнитофона в углу доносилась музыка.

Соррель задали несколько элементарных вопросов на французском языке, и она тут же получила работу. Проводить в офисе надо было только первую половину дня и каждую вторую субботу... Она быстро подружилась со своими коллегами – Джейн, только что окончившей университет и не знавшей, чем заниматься дальше, и очень привлекательным молодым человеком по имени Чарли. Он работал манекенщиком, но решил временно отдохнуть.

– Да ты всегда отдыхаешь, – захихикала Джейн.

Общение с людьми ее возраста в дружеской обстановке принесло Соррель много удовольствия.

Впервые с того момента, как ее самолет вылетел из аэропорта Харастана, она смогла расслабиться.

Работа оказалась такой легкой, что Соррель могла бы выполнять ее с закрытыми глазами. В свободное время она поливала растения и читала все, что только смогла найти о Брайтоне.

Когда Джейн и Чарли расспрашивали Соррель о ее прошлом, она отвечала: мол, работала на Ближнем Востоке, но захотела перемен. Говоря так, девушка не кривила душой. Она понемногу привыкала к работе, но никак не могла избавиться от нервного напряжения.

Еще несколько месяцев назад я запросто общалась с политическими лидерами, президентами, королями и королевами... Куда же подевались мои обычные спокойствие и невозмутимость?

Окажись рядом с ней мудрый опытный советчик, он объяснил бы Соррель: ее волнение связано не только с необходимостью обосноваться в практически чужой для нее стране, она к тому же вынуждена была стать совсем другой личностью, в буквальном смысле слова начать жизнь с чистого листа.

Но такого человека не нашлось.

Первым делом Соррель купила подходящую новую одежду и теперь чувствовала себя не в своей тарелке – так необычно для нее было отсутствие строгого дресс-кода, к которому она привыкла в Харастане.

Ей казалось, она почти раздета – хотя, конечно, это было не так, особенно по сравнению с другими девушками. Соррель купила пару длинных юбок из легкой ткани и джинсы, но они слишком низко сидели на бедрах, а ее новые футболки слишком сильно облегали грудь. Соррель не привыкла ходить в таком виде, и ей приходилось постоянно напоминать себе, что это Англия, не Харастан.

На самом деле одежда, которую носила Соррель, была очень скромной, особенно принимая во внимание стоявшую в Англии невыносимую жару. Несмотря на то, что они оставляли дверь широко открытой, офис был похож на раскаленную печку, и даже ночь не приносила облегчения. Соррель постоянно мечтала о прохладе комнат дворца, где постоянно работали кондиционеры.

– Тебе не жарко в этой одежде? – однажды утром спросила ее Джейн – Ты же не на Ближнем Востоке! В сарафанах гораздо прохладней.

– Да, наверное, ты права, – вздохнув, сказала Соррель, с легкой завистью посмотрев на обнаженные ноги Джейн. – Но я такая бледная – не то что ты.

– А ты разве не загорала... ну, там, где жила раньше? – спросила Джейн.

– Там такое не одобрялось.

– Вообще-то, мой загар не настоящий, – призналась Джейн и, увидев бледную кожу Соррель, счастливо рассмеялась. Потирая руки, она сказала с энтузиазмом: – Всегда хотела попробовать преобразить кого-нибудь, как в телешоу!

Соррель никогда не забудет этот день – сперва они отправились в салон красоты, где на все ее тело нанесли автозагар. Когда девушка увидела, что ее кожа как будто покрылась грязными пятнами, она даже вскрикнула от испуга, но ее заверили – цвет выровняется. Затем ее ногти на руках и ногах покрасили переливающимся розовым лаком.

– Ты никогда не делала педикюр? – удивленно воскликнула Джейн.

– Никогда, – подтвердила девушка, пытаясь представить себе, что бы сказал Малик, увидев ее. Соррель отогнала сомнения – теперь она европейская женщина и может делать все, что пожелает, – никто ее больше не контролирует и не опекает. Малик вычеркнул ее из своей жизни – как еще объяснить тот факт, что он не отвечает на ее письма и звонки?..

На глаза Соррель навернулись слезы, и она поморгала, чтобы прогнать их. Она бы хотела, чтобы ей не было так плохо и больно, ведь в реальности между ней и Маликом ничего не происходило. Она все напридумывала. Не было никаких знаков внимания с его стороны, и уж тем более он никогда не целовал и даже не дотрагивался до нее... К горлу подступил комок. Действительно, если не считать того раза, когда она еще ребенком училась ездить верхом и он посадил ее на лошадь, Малик *никогда не дотрагивался до нее*.

На свадьбах своих братьев он не танцевал с ней, хотя у него была такая возможность. Конечно, он почти все время занят, но... Соррель нахмурилась, вспоминая. Он вообще ни с кем тогда не танцевал, даже с теми гостями, которые так и увивались вокруг него.

Почему же он занимал все ее мысли? Зачем она постоянно мечтала о нем? Настало время двигаться дальше, и она уже сделала первые шаги – сняла квартиру, нашла работу... Раньше *настоящая жизнь* проходила мимо нее, но теперь Соррель была намерена наверстать упущенное. Она посмотрела на Джейн и попросила:

– Давай пойдем по магазинам после работы.

– Ну, наконец-то. Я думала, ты никогда мне этого не предложишь.

До приезда в Англию Соррель никогда не ходила по магазинам с кредитной картой. Ее родители предпочитали тратить не много, а после их смерти ей не приходилось делать покупки – все товары доставляли прямо во дворец, и шейх оплачивал то, что она выбирала. Таким образом, к этому моменту на ее счете скопилось довольно много денег, так почему бы их не начать наконец их тратить?..

Джейн радовалась, как ребенок.

– Примерь вот это!

– Нет-нет, – запротестовала Соррель, – не могу. Ярро-красный – не мой цвет.

– Откуда ты знаешь, ты же даже не пробовала?

И в самом деле, откуда?

К удивлению Соррель, Джейн оказалась права – ярко-красный сарафан очень шел ей, особенно в сочетании с оранжевыми бусами. Она бы ни за что на свете не оделась так в Харастане, но ведь это был хороший признак. Новая жизнь – напомнила она себе.

Новая жизнь – новая женщина.

Соррель купила четыре платья, джинсовую мини-юбку, несколько оригинальных топов и босоножки на очень высокой танкетке, в которых ее ноги выглядели умопомрачительно длинными.

– Сегодня у тебя появится шанс надеть обновки, – промурлыкала Джейн.

Соррель замерла.

Я что-то пропустила?

– Почему сегодня? – спросила она.

– Послушай, – решительно начала Джейн. – Я не задаю вопросов, но вижу: тебя явно что-то мучает, однако ты не считаешь нужным говорить об этом. Но, думаю, я понимаю, в чем тут дело, и хочу тебе помочь. Клинь клином вышибают, и мы начнем вышибать его прямо сегодня.

Соррель открыла было рот, собираясь возразить, что знакомство с мужчиной пока не входит в ее планы, но передумала.

А почему, собственно? Может, со мной что-то не так? Скорее всего, если я так реаги-

рую.

Соррель уже исполнилось двадцать пять лет, но у нее еще никогда не было молодого человека, она ни разу не целовалась.

Мне просто необходимо избавиться от эмоциональной зависимости от Малика...

подавив охватившую ее панику, девушка кивнула.

– И куда мы пойдем?

– В бар. В семь вечера.

Собираясь на встречу с подругой, Соррель вовсе не ощущала того радостного возбуждения, которое, как она подозревала, должны ощущать все нормальные девушки в предвкушении веселого вечера.

Но в глубине души она понимала, что голубое платье очень идет ей, ее роскошные светлые волосы блестят, спускаясь до самой талии, а длинные загорелые ноги выглядят великолепно, особенно в этих босоножках.

Когда она вошла в бар, присутствующие как один уставились на нее. Она оглянулась, думая, что все смотрят на кого-то, стоящего у нее за спиной, но оказалось, восхищенные взоры действительно устремлены на нее.

– А почему все так смотрят? – шепотом спросила она у Джейн, на всякий случай украдкой взглянув в карманное зеркальце – вдруг ее водостойкая тушь оказалась не такой уж и стойкой?

– Да ладно тебе, – кисло ответила подруга. – Ты просто сногшибательно выглядишь – вот почему. Чарли, налей Соррель что-нибудь выпить.

Присев на высокий барный табурет, Соррель взяла бокал с белым вином и сделала маленький глоток. Так, еще одна проблема – в Харастане не принято употреблять алкоголь, хотя во дворце его всегда было достаточно – для иностранных гостей. Соррель попробовала шампанское только на свадьбах братьев Малика, и оно ей не очень понравилось. А когда она увидела, что Малик смотрит на нее, ей вообще пришлось отставить бокал в сторону.

Так больше продолжаться не может! Почему она не может выпить вина, как любой другой человек в цивилизованном мире?

Но два больших бокала оказали на Соррель более сильный эффект, чем она рассчитывала. Она не привыкла к алкоголю и не ела ничего с обеда, поэтому вскоре почувствовала, что барная стойка стала немного раскачиваться.

– С тобой все в порядке? – спросила Джейн.

– Мне нужно поесть.

– Да, мне тоже. Давай купим чего-нибудь и завалимся к тебе.

Соррель не хотела отказывать Джейн – это было бы невежливо, особенно после того, как та ходила с ней по магазинам. Девушка даже не возражала, когда несколько молодых людей, в течение вечера как-то незаметно подсевших к ним с Джейн, решили пойти с ними.

Рано или поздно мне придется научиться развлекаться.

В конце концов в ее квартиру набилось двенадцать человек. Кое-как поместившись на кухне, они разложили принесенную еду по тарелкам, а те, кому тарелок не хватило, ели из мисок. Вино наливали в кружки. Потом кто-то включил музыку и начались танцы. Джейн обнималась с парнем, которого, насколько помнила Соррель, звали Скотт. Вскоре еще одна парочка слилась в страстном поцелуе, устроившись на диване. Соррель мечтала, чтобы все поскорее ушли и она смогла бы спокойно поесть и лечь спать.

В этот момент Скотт оставил Джейн и попытался притянуть Соррель к себе.

– Потанцуй со мной, – пробормотал он.

– Я не могу... Скотт, отстань от меня, пожалуйста!

Внезапно раздался звонок в дверь. Соррель с облегчением отошла от Скотта, но внезапно ей в голову пришла мысль: я никого здесь не знаю!

Кто же это?

Может, хозяин квартиры?..

С сильно бьющимся сердцем Соррель вышла в холл. Открыв дверь, она замерла.

На пороге, окруженный телохранителями, стоял Малик.

Глава третья

Какое-то время Малик и Соррель молча смотрели друг на друга. Девушка поймала себя на мысли, что шейх выглядит как-то необычно, но не смогла понять, почему ей так показалось. Взгляд его черных глаз был холодным и жестким, и это напугало Соррель. Она вдруг поняла, что выглядит просто ужасно.

– Как это понимать? – отрывисто спросил шейх.

– Малик... – она хотела объясниться, но он взмахом руки заставил ее замолчать.

Увидев, что происходит за ее спиной, Малик содрогнулся.

– Что ты здесь устроила? – с отвращением проговорил он.

Не дожидаясь ответа, шейх обернулся к своим телохранителям и что-то отрывисто произнес. Телохранители прошли в квартиру. Соррель видела, как один из них подошел к радио и выключил его. Музыка стихла, все замерли, с недоумением глядя на смуглых темноволосых мужчин.

– Что за черт... – Скотт нетвердой походкой направился к Соррель, и она с трудом подавила желание предупредить его, чтобы он не приближался к ней и Малику.

Девушка видела, с каким омерзением Малик взглянул на Скотта. Шагнув в холл, шейх резко приказал ей:

– Вышвырни его отсюда.

Она знала: спорить с ним бесполезно и надеялась, что Скотт и остальные тоже это поймут.

– Быстро! – выкрикнул Малик.

Скотт прошмыгнул мимо них в открытую дверь.

– Не могли бы вы все уйти... пожалуйста, – торопливо сказала Соррель.

Ей не пришлось повторять дважды – ее гости тут же собрали свои вещи, разбросанные по всей комнате, и торопливо покинули квартиру.

– Ты пила? – прошипел Малик.

– Два или три бокала, и все.

– И все? – ему с трудом удавалось контролировать себя. Он глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться, чтобы не схватить ее и...

Он отдал еще один приказ телохранителям. Как во сне Соррель видела, что они вышли из холла. В квартире остались только она и Малик.

– Закрой дверь, – мягко сказал он.

– Малик...

– Я сказал, закрой дверь.

Ей пришлось подчиниться, внезапно она снова почувствовала себя шестнадцатилетней девчонкой.

Но взглянув в черные глаза Малика, Соррель осознала, что сегодня он смотрит на нее совсем иначе – не так, как тогда, когда ей было шестнадцать. В его взгляде она читала ярость и еще что-то, незнакомое ей. Соррель надеялась, что, выпустив пар, Малик сменит гнев на милость, однако шейх не торопился ее прощать. Его лицо превратилось в неподвижную маску, и Соррель вдруг поняла, что ее так удивило, когда она увидела Малика на пороге своей квартиры.

Он был в костюме!

Ее глаза расширились от изумления. Во дворце он всегда носил национальную одежду, и она привыкла видеть его в широких шелковых халатах. Сейчас ей было странно смотреть на него, одетого в европейский костюм светло-серого цвета. Мягкие брюки обтягивали его крепкие бедра, пиджак облегал широкие плечи и мускулистый торс, а в расстегнутом вороте рубашки Соррель заметила темные волосы на его груди. Девушка смутилась. Она никогда не видела Малика *таким*. Харастанская одежда скрывала фигуру, а европейская, наоборот, подчеркивала ее.

– Ты выглядишь по-другому, – неожиданно мягко произнес он.

Только теперь Соррель поняла, что шейх, возможно, тоже поражен увиденным.

Неужели он собирается сделать мне комплимент?

Малик медленно оглядел ее с головы до ног. Раньше он никогда так не делал. На Соррель было короткое шелковое платье, и под тонкой тканью он видел колыхание ее груди. Ее пышные волосы цвета белого золота шелковистым водопадом спадали по ее плечам. Но это была не та Соррель, которую он знал, – его поразила не только ее одежда, но и косметика, так изменившая ее лицо.

Да, накрашенные тушью ресницы подчеркивали ее голубые глаза, делая их неотразимыми, а помада сделала губы еще соблазнительнее. Но куда же делась ее невинная красота?

Малик почувствовал, как заколотилось его сердце, когда он приблизился к ней. С яростью и отчаянием он спросил:

– Итак, ты достигла своей цели, Соррель?

Что за игру он затеял?

Соррель была готова на все, чтобы с его лица пропало это злое жесткое выражение.

– Какой цели? – переспросила она. Его сердце забилося еще сильнее.

– Ты специально оделась как проститутка, чтобы потерять девственность с первым попавшимся мужчиной?

Потерять девственность?

У Соррель закружилась голова, но на этот раз вино было ни при чем. Она никак не могла поверить услышанному. Неужели Малик мог так о ней подумать? Он смотрел на Соррель с таким презрением, что ей захотелось умереть. Чтобы не расплакаться, она сильно закусила губу. Какое право он имеет обвинять и критиковать ее? Хорошо, пусть он был ее опекуном и очень хорошо справлялся с этой ролью в течение многих лет. Но она выросла! Соррель не собиралась позволять Малику оскорблять ее только за то, что она вела себя так, как и другие девушки ее возраста.

– Я одета не как проститутка! – воскликнула она.

– Правда? – Усилием воли сдерживая свой гнев, шейх высокомерно посмотрел на нее. – Ты так и не ответила на мой вопрос!

– Я и не собираюсь тебе отвечать!

Малик резко втянул в себя воздух. Было ли это признанием ее вины? Но он не мог заставить ее отвечать ему – тем более когда она стояла перед ним в этом...

– Переоденься, Соррель.

– Извини?

– Нет, Соррель, извиняться уже поздно, – медленно сказал Малик.

Вот еще не хватало!

– Я просто не могу поверить, что это происходит наяву. Ты врываешься сюда, расспрашиваешь меня о моей личной жизни, а потом приказываешь переодеться, будто я пятилетний ребенок, который опрокинул на себя банку с гуашью!

Еще бы, если бы ей было пять лет, она бы не посмела дерзить мне!

Она просто глупая маленькая девчонка! Неужели она не понимает, что ее обнаженные ноги и вздымающаяся в вырезе платья грудь заставляют меня...

Потрясенный тем, какое направление приняли его мысли, Малик не мгновение замер.

– Не играй со мной, Соррель, – нервно проговорил он, – Разве ты не понимаешь, какие чувства будит в мужчине женщина, выставляющая свое тело на обозрение? Это то, чего ты добиваешься? Чтобы мне было трудно сконцентрироваться на разговоре с тобой?

Соррель опешила. Малик заметил ее? Конечно, он имел право с неодобрением относиться к ее одежде, ведь он судил по стандартам своей страны, а они были гораздо строже, чем европейские. Если честно, она и сама думала, что ее платье слишком короткое. Это Джейн убедила ее купить его, а Соррель просто поддалась на уговоры.

В первый раз за вечер она уважительно склонила перед ним голову.

– Хорошо, – тихо сказала она. – Я переоденусь во что-нибудь более подходящее, если ты хочешь чувствовать себя как дома, Малик.

С этими словами она вышла, и шейх позволил себе немного расслабиться. Физическое напряжение, охватившее его, когда он увидел Соррель, начало спадать. Он был ошеломлен, сбит с толку, а такое с ним не часто случалось. Возможно, он просто устал, слишком многое на него свалилось в последнее время. И все же...

Пользуясь тем, что его никто не видит, Малик провел языком по пересохшим губам. Он опять вспомнил, как Соррель стояла перед ним – длинные стройные ноги, высокая волнующая грудь, шелковистые блестящие волосы. Он отчаянно попытался не думать о ней, но у него не получалось.

Для него Соррель всегда была ребенком. Он и не заметил, как она превратилась в женщину.

Конечно, свободное платье скрывало от него ее фигуру, для этого оно и было придумано.

На секунду Малик задумался о правильности своего решения – должен ли он сделать то, что запланировал? Да, она подчинилась его просьбе надеть нечто менее вызывающее, но станет ли она слушаться его и дальше? Что, если Соррель уже вкусила все прелести свободы? У спутницы шейха Харастана должна быть безупречная репутация.

Малик вздохнул. Его жизнь сильно изменилась с тех пор, как он превратился из советника шейха в правителя большой богатой страны.

Жена его отца не могла иметь детей. Многие на месте шейха женились бы еще раз, но он решил завести любовницу – точнее, любовниц. У него родилось трое детей от трех разных женщин. Младший сын был наполовину французом. Мать среднего сына жила в Италии. И только старший, Малик, мог гордиться своим харастанским происхождением. Его мать была из благополучной семьи. К сожалению, она умерла при родах.

Малик рос не только без матери, но и без отца – он узнал правду слишком поздно. Но он понимал: именно одиночество помогло ему закалить характер и стать тем, кем он являлся сейчас. На самом деле, Малик оказался отлично подготовлен к своей новой роли, ведь править страной – значит быть одиноким...

Шейх прошел на кухню и несколько секунд изучал царивший там беспорядок, как археолог мог бы изучать руины, оставшиеся после какой-нибудь неизвестной цивилизации. То, что Малик увидел, повергло его в шок.

Сомнительного вида пища подсыхала в пластиковых контейнерах, на столе и стенах расплылись брызги, полупустые бутылки стояли в лужицах пива. В Харастане трапеза, даже самая скромная, всегда превращалась в своего рода праздник, там к еде относились с уважением. Если было необходимо, к обеду подавали хорошее вино, однако харастанцы предпочитали сок граната с мякотью лайма, туловыми ягодами и ложкой меда.

Малик взглянул на грязные тарелки и поморщился. В Харастане никогда бы не назвали этот кошмар праздником. К *этой* стремилась Соррель, когда захотела покинуть Харастан? Это и есть ее мечта, ее судьба?

Резко развернувшись на каблуках, Малик прошел в большую гостиную, не включая там света. На окнах не было занавесок.

Если бы мои телохранители узнали об этом, у них случился бы коллективный припадок, невольно подумал Малик. Ему неожиданно понравилось, как эта комната выглядела в лунном свете. Из окна он увидел море – на его темной глади мерцали серебристые блики.

Таким же красивым было море в моей любимой Бальсоре, где я ребенком учился плавать...

Малик вздохнул, вспоминая прошлое, где так легко было уйти от проблем всего лишь с помощью воображения. Внезапно он услышал знакомый нежный голос.

– Малик?

Обернувшись, он замер, пораженный. Перед ним стояла Соррель, красивая и свежая, как обычно, но все же что-то в ней неуловимо изменилось, хотя она и сняла это ужасное короткое платье и туфли на высоком каблуке, в которых она выглядела чересчур доступной.

Сейчас ее одежда была более закрытой, но каким-то непостижимым образом это привлекало его еще больше – длинную кружевную юбку она скомбинировала с футболкой, подчеркивающей ее высокую грудь. Малик напрягся, и собственная реакция на появление Соррель привела мужчину в отчаяние. Конечно, это только его проблемы, не ее, и разбираться с ними предстояло ему. Возможно, пришло время устроить себе небольшой праздник плоти – не с ней, разумеется! Найти молодую красивую девушку, которая не откажется стать его любовницей, не так уж трудно. В последнее время у Малика не было времени на подобные развлечения, со дня коронации он только работал не покладая рук, практически без сна и отдыха. Неудивительно, что он так отреагировал на Соррель, вовсе не желая этого.

С момента вступления на престол Малик не мог позволить себе расслабиться ни на секунду. Он боялся, что народ Харастана, все еще скорбящий по своему правителю, не примет нового шейха. Он делал все возможное, чтобы не обмануть ожидания людей, за которых теперь нес ответственность.

Править страной – это не просто работа, это образ жизни. День и ночь приходилось думать о проблемах государства, и вполне естественно, что Малику было не до женщин.

– Так лучше? – мягко спросила Соррель.

Намного лучше, хотел прошептать Малик. Невероятным усилием воли он заставил себя прикрыть глаза, чтобы спрятать от Соррель их лихорадочный блеск.

– Здесь есть комната, которая не так просматривается, как эта? Что-нибудь более закрытое и уединенное? – требовательно спросил он.

Соррель затрепетала. Разве не об этом она мечтала всю свою сознательную жизнь?

Теплая ночь, полная луна, только мы вдвоем...

Однако ее обьял испуг... Ужас, если говорить точнее.

– Малик, – неуверенно проговорила она, – ты уверен?

– Конечно, я уверен! – Малик нахмурился. – Или ты думаешь, что мы продолжим разговор здесь, у огромных окон без занавесок, где какой-нибудь снайпер сможет меня подстрелить?

Слава богу, в комнате царил полумрак, и Малик не видел, как покраснела Соррель.

– О Малик, – прошептала девушка, поняв, насколько эгоистичными были ее мысли. Она даже не подумала, что Малику может угрожать опасность! – А... такое возможно?

– Это всегда возможно, – небрежно бросил он. *Не мешало бы ее немного напугать, если я намереваюсь сделать ее частью своего плана.*

– Хорошо, – поспешно сказала Соррель. – Пойдем.

Малик сам предложил ей перебраться в более укромное место и теперь не мог отказаться от своих слов, однако он очень надеялся, что она не приведет его в спальню. К его облегчению и недоумению, это оказалась совсем другая комната.

– Ванная? – изумленно проговорил он, когда Соррель включила свет.

– Я понимаю, это немного... необычно...

– И не говори, – буркнул он. Впервые за несколько недель на его губах заиграла улыбка.

– Но здесь вообще нет окон, так что лучше места не найти. – Соррель пыталась загладить свою вину и вернуть его расположение. Она убеждала себя, что чувствует себя в его компании так же легко и непринужденно, как и раньше.

– Да, пожалуй, ты права. – Малик огляделся, запоминая каждую деталь – бутылочки на туалетном столике, свечи, флаконы с пеной для ванны...

Ее ванны.

Он глубоко вздохнул, пытаясь не обращать внимания на внезапно появившееся напряжение в низу живота.

Какого черта она привела меня сюда?

Потому что повиновалась моему приказу!

– Я не могу разговаривать здесь, – хрипло произнес он. – Ты уже ужинала?

Соррель покачала головой. Она как раз собиралась поехать, когда он ворвался в ее квартиру со своими телохранителями. Малик достал из кармана мобильный телефон и набрал номер. Ему сразу же ответили, и он сказал в трубку, неотрывно глядя в глаза Соррель:

– Подайте машину к выходу. И закажите в ресторане столик на двоих.

Глава четвертая

Соррель уже забыла, как ей нравилось находиться в обществе шейха. Не существовало никаких проблем и задержек – машины всегда подъезжали вовремя, на дорогах не было пробок, потому что движение останавливали, освобождая путь для кортежа шейха. Самолеты взлетали по расписанию, а столики в самых престижных ресторанах всегда оказывались свободными, как по мановению волшебной палочки – независимо от количества посетителей.

В ту секунду, когда Малик и Соррель вышли из дома, к ступенькам бесшумно подъехал лимузин с затемненными стеклами. Машина была бронированной, и девушка еще раз вспомнила об обратной стороне жизни правителя.

Соррель не возражала, когда Малик предложил пообедать в ресторане, не только потому, что была голодна. Она знала: спорить с ним, когда он в таком настроении, бесполезно. Еще она понимала, что правитель Харастана не может разговаривать с незамужней девушкой в ее ванной комнате.

Он даже не намекнул Сорель, что именно собирается с ней обсудить, и уже в лимузине она, не вытерпев, поинтересовалась:

– Итак, о чем ты хотел со мной поговорить?

Черные глаза Малика вспыхнули. Неужели она всегда вела себя с ним так свободно? В его окружении не было ни одного человека, который мог бы обратиться к нему в столь же непринужденной манере. Только после того, как Соррель уехала из Харастана, Малик с болью осознал, насколько пресной стала его жизнь.

Шейх взглянул на Соррель, и вскоре его мысли приняли совсем другое направление. Он видел, как поднимается при каждом вздохе ее грудь, чувствовал легкий аромат ее духов. Шейх откинулся на спинку сиденья, обтянутого мягкой кожей.

– Я не собираюсь обсуждать это здесь и сейчас, – холодно сказал он. – Ты должна подождать, пока мы не приедем в ресторан.

О, она *должна*? Соррель могла бы рассердиться на него за эти слова и тон, в котором он говорил с ней. Однако она все еще была смущена его необычным внешним видом и тем, как он смотрел на нее в квартире. Сейчас они находились рядом на заднем сиденье лимузина, и она чувствовала себя странно – не так, как обычно. Куда-то исчезла та легкость, с которой они всегда общались, и Соррель не знала, почему.

Пытаясь успокоиться, она начала разговор, который много раз до этого вела с дипломатами, приезжавшими во дворец, но никогда – с Маликом.

– Не скажешь, куда мы направляемся? – поинтересовалась она.

– Разве это имеет значение? – небрежно ответил мужчина.

– Наверняка в «Морскую звезду», – рискнула предположить Соррель. – Это лучший ресторан в Брайтоне.

– Возможно, ты уже там была?

Соррель помолчала, размышляя, стоит ли говорить ему, как сильно ее жизнь в Брайтоне отличается от прежней, в Харастане.

– Нет, никогда. Я не могу себе позволить ходить в такие дорогие рестораны, – наконец ответила она.

– Неужели? Уверен, мужчины в очередь выстраиваются, чтобы пригласить тебя, – промурлыкал он.

Подразумевалось, что эти мужчины ожидают вознаграждения за потраченные на нее деньги. Соррель отлично поняла Малика, однако ей не хотелось, чтобы водитель слышал, как она спорит с шейхом. Поэтому девушка просто загадочно улыбнулась и мечтательно проговорила:

– Да, и в очень длинную очередь.

– Так это правда? – прошипел он. Соррель с вызовом посмотрела на него.

– Подожди, пока мы не приедем в ресторан, – мягко ответила она, повторяя его собственные слова. – Я не собираюсь обсуждать это здесь и сейчас.

Малик был шокирован ее дерзостью, но он с удивлением понял, что это возбуждает его. Сердце мужчины лихорадочно забилось, болезненно-сладкая дрожь прошла по его телу. Он пожалел, что именно Соррель вызвала у него такое желание, да еще в столь неподходящий момент.

Если бы он был с любой другой женщиной, он бы скользнул ладонью под ее юбку и предупредил водителя, что передумал ехать в ресторан. Он уже не испытывал голода, у него появилось совсем другое желание. Но он был не с *другой* женщиной. Это была...

– Малик!

Звук ее голоса ворвался в его эротические мечты, и Малик понял: он должен взять себя в руки, чтобы не натворить глупостей – например, не поцеловать ее.

– Ты что-то сказала? – хрипло спросил он. Да, он умеет быть жестким, даже жестоким, подумала Соррель. Несмотря ни на что, она болезненно воспринимала его холодность.

Все-таки я приняла правильное решение – лучше держаться от него подальше и жить на другом краю света.

– Мы приехали.

Лимузин остановился возле ярко освещенного входа в отель «Морская звезда». Соррель оказалась права.

– Bravo, Соррель, – Малик хлопнул в ладоши. Как легко можно было догадаться по названию, ресторан находился на побережье. Здесь часто обедали политики, звезды и другие именитые гости. Ресторан «Морская звезда» был известным, шикарным и очень дорогим.

Снаружи это место не отличалось от других подобных заведений – ряды аккуратно подстриженных деревьев вдоль дорожки, важный швейцар у вращающейся двери. Но внутри стано-

вилось понятно, почему все стремились именно сюда – от вида, открывавшегося из его окон, просто захватывало дух – Ла-Манш, в темных водах которого отражался лунный свет, был великолепен.

Кроме прочего, рестораны такого класса славились одной важной особенностью: в них именитым гостям был гарантирован не только вкусный ужин, но и спокойный вечер. Да и люди Малика отлично выполнили свою работу – немногие из обслуживающего персонала знали, кем является их очередной гость, но даже если бы кто-то из посетителей узнал Малика, его не посмели бы побеспокоить, а репортерам путь сюда был заказан.

В зале их уже ждал Фарик, один из ближайших помощников Малика. Соррель знала его с тех пор, как еще ребенком приезжала вместе с родителями во дворец Малика, поэтому она тепло улыбнулась старику и очень удивилась, когда он лишь холодно кивнул ей в ответ.

– Как поживаете, Соррель? – вежливо спросил он, словно они не виделись всего пару дней.

– Хорошо, спасибо, – пробормотала она в ответ, но он уже отвернулся.

– Разрешите, я провожу вас к столику, Ваше Величество, – с поклоном произнес Фарик на своем родном языке, чтобы его не понял появившийся возле них словно из-под земли услужливый метрдотель. – Я уже все организовал.

Они прошли к столику, и Соррель украдкой посмотрелась в одно из многочисленных зеркал ресторана. К своему удивлению, она поняла, что ее наряд – розовая футболка и длинная летящая юбка – выглядит здесь вполне уместно, хотя, конечно, эти вещи были недостаточно дорогими для такой обстановки. Но девушка все равно чувствовала себя не в своей тарелке.

Может, Соррель нервничала из-за предстоящего разговора? Или ее бросило в жар потому, что у Малика такое потрясающее, мускулистое тело? Европейский костюм подчеркивал его чувственную красоту – темные волосы, черные глаза, смуглую кожу...

Два официанта уже ожидали их у столика. Малику и Соррель принесли меню и винную карту, которую пришлось срочно поменять на список безалкогольных напитков.

Вскоре Фарик покинул их. Соррель сидела, положив ладони на колени, словно послушный ребенок. На самом деле она просто не хотела, чтобы Малик видел, как трясутся ее руки. И не удивительно, ведь ей с трудом удавалось не смотреть в его красивое лицо, не любоваться высокими скулами, длинными ресницами. Ее сердце колотилось, как после пробежки, и она прилагала неимоверные усилия, чтобы казаться спокойной.

– Итак, Малик... – медленно произнесла она.

Шейх ответил не сразу. Он умел выжидать, выбирать наиболее подходящий момент для удара, совсем как парящий в теплом воздухе пустыни сокол, который медленно кружит над добычей, пока та не потеряет бдительность.

А потом он нападает.

Малик хладнокровно изучал лицо Соррель. Ее губы были приоткрыты, и она вдруг провела по ним влажным языком. Малик замер и почувствовал, что больше не может мыслить рационально, действовать, как сокол. Он реагировал, как обычный мужчина, и это было неправильно – только не с Соррель. Впервые он начал сомневаться в правильности своего решения. Но разве он не мужчина? Разве он не имеет силы и выдержки? Если ему так нужен секс, он заведет себе любовницу, и ею уж точно не станет белокурая невинная девушка, сидящая напротив.

– Ты когда-нибудь скучала по Харастану? – спросил он.

Соррель помедлила. Она понимала: на этот раз ей придется сказать правду, ведь любой другой ответ станет предательством по отношению к стране, которую она так любила.

– Я очень скучаю, – тихо ответила она. – Я чувствую, что там осталась частичка меня.

Малик постарался скрыть свое ликование.

– И тебе нравится твоя работа в Брайтоне? – продолжал он спокойно и ровно.

Но Соррель знала: Малик никогда ничего не говорит зря.

– Нравится, – честно сказала она. – Конечно, она очень отличается от того, чем я занималась во дворце!

– Я так понял, вы работаете с туристами, – последнее слово он произнес пренебрежительно.

Соррель поняла, что должна встать на защиту людей, которые не живут во дворцах... *В отличие от некоторых.*

– Наши клиенты просто хотят повидать мир.

– Но у тебя нет будущего на этой работе.

Она обдумывала его слова, зная: врать Малику бесполезно – он все равно разнесет ее аргументы в пух и прах. Помолчав, она признала:

– Да, ты прав.

Не отводя взгляда от ее лица, он поднес бокал к губам и сделал глоток.

– Я не хочу, чтобы ты там работала и дальше. Я хочу, чтобы ты сопровождала меня в поездке по Европе.

Ее сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Но как это ни странно, первой реакцией Соррель было возмущение, вызванное его командным тоном. «Я хочу», – сказал он. Приказ, а не просьба. Между «хочу» и «хотел бы» существует огромная разница, но Малик никогда не думал о таких вещах. Он всегда получал то, что хотел.

Стараясь выиграть время, она поинтересовалась:

– А зачем тебе надо, чтобы я поехала с тобой?

Малик решил, что ослышался.

– Зачем? Ты спрашиваешь, зачем?

– Именно так.

Малик нахмурился. Он привык к повиновению. Соррель пора бы уже осознать: ее затея с независимой жизнью в Англии потерпела крах. Он спас ее от того сброда, который устроил разгром у нее в квартире, а она, похоже, не усвоила урок. Когда же она поймет, что он *всегда* прав?

– Тебе разве недостаточно, что твой шейх приказывает тебе? – мягко осведомился он.

Соррель колебалась – ее действительно взволновало его предложение. Однако ее возмущал его высокомерный тон. Я собью с него спесь, подумала девушка.

– Нет, Малик, недостаточно.

Вероятно, Соррель шутит, иначе почему она отказывается от такой прекрасной возможности?

– Ты отклоняешь мое предложение? – требовательно спросил он, приходя в ярость.

Впервые за то время, что они провели в ресторане, Соррель улыбнулась. Она предвидела его реакцию. Для него существовало только черное и белое, это качество вообще было присуще всем мужчинам Харастана – а тем более мужчинам, наделенным властью.

Это в какой-то степени объясняет то, как холодно меня приветствовал Фарик. Он наверняка не одобряет решение Малика взять меня с собой в путешествие.

– Ты считаешь меня здравомыслящей женщиной, Малик? – задумчиво спросила Соррель.

– Здравомыслящей? – его глаза заблестели. – Вообще-то пока в твоих поступках было не слишком много здравого смысла. Вспомнить хотя бы, что творилось в твоей квартире, когда я пришел туда.

– Да или нет, Малик?

Малик посмотрел в голубые глаза Соррель. В университете она получила степень бакалавра с отличием, ей даже предложили остаться там и продолжить научную работу. Нельзя отрицать, что мозги у нее есть и она умеет ими пользоваться. Но быть умной – не значит быть здравомыслящей. Хотя...

– Да, – неохотно признал он, до сих пор не понимая, какое отношение это имеет к его предложению.

– Спасибо, – с сарказмом сказала она. – Вот и я считаю тебя здравомыслящим мужчиной.

– Тебе спасибо, – произнес он в ответ. Впервые за долгое время Малик понял, что хорошо проводит время. Он с нетерпением ждал, пока официант расставит на столе тарелки с едой и бокалы с малиновым коктейлем, чтобы продолжить беседу.

– Итак, если бы я собиралась сделать тебе подобное предложение, то ожидала бы, что ты, как *здравомыслящий* человек, задашь мне множество вопросов перед тем, как принять или отклонить его.

Малик в изумлении уставился на нее.

– Итак, объясни, пожалуйста, что конкретно ты от меня хочешь? – потребовала она.

Он чуть было не сказал ей правду, но тут же взял себя в руки, вспомнив о чувственном возбуждении, которое она в нем вызывала. Так ли он нуждается в ее помощи? Стоит ли рисковать?

Но, подумав о предстоящей деловой поездке по городам Европы, план которой разработа-

ли его помощники, Малик понял: без Соррель ему не обойтись.

Мужчина слегка склонил голову.

– Я хочу, чтобы ты помогала мне во время путешествия – так же, как помогала моему отцу во дворце.

– Но у тебя же есть люди, которые могут делать это, – запротестовала она.

Как сказать ей, что Фарик и остальные мои помощники держатся слишком официально? Что они больше напоминают роботов?

Мысль о прекрасных городах, которые ему предстояло посетить – даже о Париже, где он побывал в юности, – не вдохновляла его. Малик понимал: он должен будет вести переговоры, подписывать бесконечные бумаги и скучать на деловых встречах. Даже в окружении толпы людей, пытающихся угодить ему во всем, он не сможет избавиться от ощущения одиночества.

– Да, – ответил Малик более мрачно, чем намеревался, и тут же прикрыл глаза, боясь выдать свои чувства. *Но нет, Соррель не использует мою слабость против меня. Она не умеет манипулировать людьми, и разве не по этой причине я хочу взять ее с собой...* – Я не настаиваю, чтобы ты сразу стала моим советником.

– Тогда какова моя роль?

– Ты будешь моей компаньонкой, – осторожно сказал он.

– Звучит неплохо! – саркастически заметила Соррель. – Но не мог бы ты выражаться яснее?

Малик попробовал представить себе, что с ним в таком тоне разговаривает другая женщина... даже другой мужчина, но у него не получилось.

– Мне придется посещать огромное количество мероприятий. Обеды и приемы. Коктейли. Скачки. Музеи. Мемориалы. Мне было бы гораздо легче, если бы со мной рядом находился кто-то, кого я хорошо знаю. Кто-то, с кем я могу поговорить и обсудить итоги очередного мероприятия... – он помолчал. – Кто-то, кто поможет мне держать остальных людей на расстоянии. Особенно женщин.

Соррель почувствовала укол ревности.

– Это может делать и Фарик, – возразила она.

– Фарик не такой привлекательный.

Я не ослышалась? Малик признал, что я привлекательна?

Соррель с подозрением посмотрела на Малика.

– Что это значит?

Малик понизил голос, хотя они говорили на его языке и их никто не смог бы понять, даже если бы и услышал.

– Перестань, Соррель, – почти прошептал он. – Нельзя быть такой лицемерной. Ты же понимаешь, светлые волосы, голубые глаза, хорошенькое личико, стройная фигура – все это признаки красоты.

Девушка демонстративно подцепила на вилку кусочек мяса и сунула его в рот – отчасти для того, чтобы скрыть раздражение. Она хотела выиграть время и найти достойный ответ на его высказывание.

Из его уст даже комплимент звучит как оскорбление! Лицемерной? Да много ты понимаешь!

Да, она обладала многими качествами, которые так нравились мужчинам. Но не только же внешностью! В глубине души Соррель совсем не была уверена в себе. У нее никогда не было молодого человека. Никто не говорил, ей, что она красива, хотя Соррель не считала нужным полагаться на слова мужчины, чтобы поднять самооценку.

Возможно, мне необходимо стать более уверенной в себе?..

– Итак, тебе нужна девочка на побегушках? – дерзко спросила Соррель.

Малик сердито посмотрел на нее.

– Так мало времени провела в Англии и уже так хорошо владеешь сленгом!

– Это часть моей жизни в современном мире Малик. – Соррель видела, что его глаза потемнели от ярости. – И это мое дело, – мягко добавила она.

– И мое тоже, – возразил ей Малик. Они посмотрели друг другу в глаза.

– Ты так думаешь?

– Уверен! Я не могу притвориться, что ты не существуешь!

– Так вот почему ты зовешь меня с собой! воскликнула девушка. – Чтобы присматривать за мной!

– Уверяю тебя, мои намерения еще более эгоистичны, чем ты думаешь, Соррель... – Шейх немного наклонился вперед, и она увидела, как блестят его черные глаза. – Ты будешь очень полезна мне в этом путешествии. Ты знаешь меня лучше, чем кто-либо другой.

Она была готова согласиться с ним – Малик узнал о том, кто его отец, только когда тот был уже при смерти. Его мать умерла при родах. Какое-то время Соррель действительно была самым близким ему человеком. Но так продолжалась только до коронации, с момента которой, казалось, прошла целая жизнь. Внезапно Соррель осознала, что коронация состоялась только два года назад.

Сколько всего произошло за эти два года!

Как там выразился Малик? Что она может оказаться полезной? Бронированная машина полезна, и мягкая подушка ночью тоже бывает полезной, а по отношению к ней он мог бы подобрать и более лестный эпитет. В этом-то и заключалась проблема Соррель – когда дело касалось Малика, она теряла здравый смысл. В глубине души девушка мечтала о гораздо большем, чем он мог ей предложить.

Если она согласится отправиться с ним в эту поездку, не окажется ли она снова втянутой в сумасшедший круговорот его жизнь?

И еще – в следующий раз мне будет гораздо сложнее сказать ему «прощай».

– Не заставляй меня ждать, Соррель, – медленно сказал Малик, предвкушая победу.

Соррель собралась с силами и прошептала, глядя ему в глаза:

– Я не могу, Малик.

– Не можешь? Или не хочешь? – он явно нервничал. – Не соблаговолишь ли сказать, почему?

Соррель внезапно поняла: ей необходимо найти такую отговорку, чтобы у него не нашлось аргумента против и он не смог с ней поспорить. Что-то достоверное, но шокирующее. Такое, чтобы шейх пожалел о своем вопросе. Она собиралась произнести слова, которые навсегда изменят его мнение о ней.

– Потому что мне нужен мужчина, Малик. Любовник. Вот почему, – хрипло сказала она.

Глава пятая

Малик не мог поверить своим ушам. Он с изумлением глядел на Соррель.

Соррель – моя иногда вздорная, но такая невинная девочка – объявила, что ей нужен любовник! Это столь же невероятно, как если бы солнце вдруг стало зеленым.

– *Что ты сказала?*

Никогда еще Соррель не слышала, чтобы его голос звучал так... устрашающе. Но она говорила себе: я взрослая и имею право поступать так, как мне заблагорассудится. И отвечать ему я тоже не обязана! Тем не менее она не рискнула повторить свои слова, поэтому просто сказала:

– Ты слышал.

– Тебе нужен любовник? Как это?

Они говорили очень тихо – так, что даже телохранители, остававшиеся неподалеку, не могли слышать их разговор. Но ярость Малика, видимо, была столь явной, что некоторые посетители встревоженно посмотрели в их сторону.

В черных глазах Малика Соррель видела осуждение, но она не могла позволить ему одержать над ней верх. В конце концов, она – женщина, а не кукла, которую можно одеть в красивые наряды и взять с собой на банкет.

– А что в этом такого? – сказала она как можно беспечней.

– Что в этом такого? – Малик был в бешенстве. Он хотел наброситься на нее. Он хотел... Мужчина сжал ладони в кулаки. Неужели Соррель в самом деле сказала такое? Маленькая белокурая девочка, которую баловали все, кто видел ее сияющую улыбку? Его невинная Соррель? Или он опять не прав? Он уже один раз ошибся, полагая, что она всегда будет слушаться и уважать его. Означает ли ее необычное желание, что она уже не так невинна, как он думает? Может, она уже была с мужчиной, и ей понравилось, и она хочет еще? Малик почувствовал боль и отчаяние. Она отрицала, что потеряла девственность, но говорила ли она правду? – Ты больше не

девственница? – хрипло спросил он.

Соррель бросило в жар. Как он мог задать ей такой интимный вопрос, да еще в ресторане!

Но я же сама этого добивалась! Я сама сказала, что хочу найти мужчину.

И я приняла решение жить, как все нормальные современные молодые женщины.

– Ты уже спрашивал меня об этом, Малик.

– А я даю тебе возможность отказаться от своих слов.

– Мы не в зале суда! – разозлилась Соррель. Он проигнорировал ее вспышку гнева и наклонился к ней через стол.

– Ты говоришь правду, Соррель? – Его черные глаза, казалось, прожигали ее насквозь. – Ты все еще девственница?

Она поняла: сопротивляться бесполезно.

– Да, я девственница, – призналась она. – И хочу сказать тебе еще кое-что. Я не лгунья, Малик!

Неожиданно для самого себя мужчина ощутил несказанное облегчение, но он постарался скрыть это. Ему следует вести себя осмотрительнее – Соррель не собиралась слушаться его.

Но я заставлю ее подчиниться – так, что она даже не заметит этого.

– Тогда зачем все менять? – поинтересовался он ледяным тоном, хотя внутри у него все кипело.

Он прекрасно умел скрывать эмоции – в детстве это умение помогло ему выжить. Став шейхом, Малик решил, что иметь чувства вовсе не обязательно.

– Похоже, это необдуманное решение.

Как холодно он на меня смотрит.

Под неодобрительным взглядом шейха Соррель чувствовала себя неуклюжей и нескладной. Похоже, именно этого он и добивался. Она захотела сказать ему правду.

– Я... Мне... мне уже двадцать пять, и у меня такое ощущение, что я всю жизнь провела в монастыре!

– Имеешь в виду, что ты была ограждена от плотских желаний мужчин? – уточнил Малик.

Соррель нервно провела языком по губам. Ожидала ли она такой яростной реакции от него? На самом деле у нее не было времени раздумывать над этим.

– Я имею в виду, что хочу жить так, как другие женщины моего возраста, – заявила она. – Нет, просто – хочу *жить*! Я сыта по горло затворничеством. Мне надоело постоянно пытаться подстраиваться под стандарты. Я хочу ходить с обнаженными ногами, не боясь поколебать чьи-то понятия о нравственности, хочу танцевать допоздна, пить вино и... и...

– И заниматься сексом?

Как у него получается превратить то, что в моих устах звучит совершенно нормально, в пошлость?

– Ну и что? – вздохнула она. – Так делают другие женщины моего возраста.

– Другие женщины твоего возраста не похожи на тебя.

Соррель разочарованно покачала головой.

– А какая я, Малик? Кто я? Я чужая в своей стране, и не могу жить в твоей.

– Почему?

– Потому что... Потому... – *Потому что я обожаю тебя, а у нас с тобой нет будущего, даже если ты наконец согласишься на меня как на женщину.* – Я никогда не стану независимой в Харастане.

– А ты именно этого хочешь? Это имеет для тебя значение – носить откровенные наряды и заниматься сексом?

Она никогда не видела Малика в такой ярости. Соррель не нужны были все эти вещи сами по себе, она мечтала о том, что они олицетворяли – о свободе. Если бы она продолжала жить в Харастане, она бы провела всю жизнь в тени мужчины, который в один прекрасный день женился бы на другой. А Соррель точно знала: она не перенесла бы этого.

Малик – эгоист, ему даже в голову не пришло, что мне может быть больно.

Соррель легко могла себе представить, как он просит ее помочь его новой жене устроиться во дворце или посидеть с их детьми... Почему бы и нет, и такое могло бы случиться! А у нее просто разорвалось сердце бы, если бы она увидела детей Малика от другой женщины...

– Допустим, эти вещи кое-что значат для меня, – храбро ответила Соррель, ожидая очеред-

ной гневной тирады в ответ.

К ее удивлению, Малик остался спокоен. Его состояние выдавали лишь глаза, в которых полыхал черный огонь.

– И ты думаешь, я буду тебе все это запрещать, если ты поедешь со мной? – спросил он.

Он что, издевается? Или это один из тех дьявольских планов, которые всего лишь за два года сделали Малика одним из самых влиятельных правителей Востока?

– Имеешь в виду, что разрешишь мне вести себя так, как я сама захочу, если я соглашусь сопровождать тебя в поездке?

Малик не ответил, он только сейчас снизошел до того, чтобы попробовать заказанное им блюдо. Он всегда ест мало, подумала Соррель, поэтому его тело выглядит не так, как у других мужчин – они похожи на него не более чем домашние коты на стремительного гепарда. Поднеся к губам бокал, Малик отпил из него, поэтому, когда он вновь заговорил с Соррель, его губы были влажными и блестели.

Как и его глаза...

– Посмотрим. Это зависит от ряда причин.

Сорель отложила вилку. Ситуация была настолько странной, что ей совершенно расхотелось есть.

– От ряда причин? – проговорила она дрожащим голосом, глядя прямо ему в глаза. – Каких еще причин?

– Например, кто станет тем счастливчиком, которому ты решишь подарить себя.

– Малик, то, что ты говоришь, звучит так...

– Вульгарно?

– Да, пожалуй.

Малик пожал плечами.

– Я с тобой полностью согласен. Но ты сама в этом виновата. Ты же не сказала: «Хочу, чтобы за мной ухаживали и дарили цветы». Ты четко дала понять, что тебе нужен только секс.

Теперь он унижает меня!

– Не желаю больше об этом говорить, – гневно сказала она. – Просто забудь о том, что я сказала.

Малик покачал головой.

– Ну, уж нет, я не смогу забыть такое, – произнес он. Это было чистой правдой – он живо представлял себе, как ее обнаженное тело сплетается с телом другого мужчины, как тот входит в нее, и на ее прекрасном лице отражается ее первая боль и первое удовольствие... Ее длинные стройные ноги, которые Малик сам впервые увидел только сегодня, обвиваются вокруг торса ее любовника. Кто-то другой наполнит ее своим семенем... Малик попытался выбросить эту картинку из головы. – Кажется, я нашел решение, которое устроит нас обоих.

Соррель напряглась, чувствуя в его словах подвох.

Малик улыбнулся, но улыбка вышла почти жестокой.

– Тебе нужен секс? – промурлыкал он. – Мне он тоже нужен. Ты хочешь научиться получать чувственное удовольствие? Я могу стать твоим учителем, и поверь мне, лучшего ты не найдешь.

Ее сердце было готово выскочить из груди.

Мечты становились реальностью, но ей почему-то стало страшно.

– Имеешь в виду, ты мог бы...

С чувством удовлетворения он наблюдал, как ее щеки покрывает румянец. Насколько же она наивна! И как она собиралась справляться с мужчинами? Со своими светлыми волосами и нежным румянцем Соррель выглядела воплощенной невинностью. Ему следовало бы оставить все как есть, чтобы она сама поняла безрассудность своей затеи. Но Малик уже чувствовал знакомое растущее напряжение. Мысль о том, что другой мужчина дотронется до нее первым, была для него невыносима.

– Да, я мог бы стать твоим учителем, – подтвердил он, наслаждаясь ее смущением. – Что в этом такого?

Она уже была готова согласиться, но Малик говорил таким безразличным тоном, словно зачитывал список покупок. Вот только раньше ему и в голову не приходило хотя бы взглянуть на этот список, напомнила себе Соррель.

– Но я еще никогда не... – начала она, но осеклась. Соррель собиралась сказать, что никогда не представляла его в качестве своего любовника, но вовремя поняла: Малик сразу распознает ложь. Ведь на протяжении многих годы она только и мечтала о нем именно в этом качестве.

– Что ты хотела сказать, Соррель? – низким хриплым голосом поинтересовался мужчина. – Что ты еще не начала подыскивать кандидата на роль своего любовника? Ну, теперь он у тебя есть. Причем самый лучший. – Черные глаза заблестели в предвкушении удовольствия. – Все женщины, с которыми я спал, признали – я великолепен в постели.

Может, это глупо, но Соррель почувствовала боль. Конечно, она всегда знала, что у Малика были любовницы, и, возможно, очень много. Он просто излучал чувственную сексуальную энергию, сводившую женщин с ума. Но она никогда не слышала, чтобы он произносил это вслух, хвастался пред кем-то. И сколько же их было? – ревниво подумала Соррель.

Как много?

Малик заметил, что она колеблется, и это обрадовало его. Он не получал удовольствия, если мог добиться желаемого слишком легко.

– Многие женщины душу бы продали за то, что я тебе предлагаю, – задумчиво проговорил он, медленно проводя подушечкой большого пальца по своей нижней губе. Малик прекрасно знал: Соррель наблюдает за каждым его движением. – Ты сможешь побывать почти во всех знаменитых городах Европы, будешь окружена роскошью и к тому же получишь самые исчерпывающие знания об искусстве соблазнения.

Соррель следовало сказать, что его предложение просто абсурдно, но она не могла отвести взгляда от его чувственных губ.

Он специально это делает? Он знал, что меня просто заипнотизирует столь провокационный жест? Думал, я буду мечтать о том, чтобы он вот так ласкал мои губы?

Но могла ли Соррель стать его любовницей? Отдать ему свое тело, когда он уже давно владел ее сердцем? Не слишком ли велик риск? Внутренний голос приказывал девушке ответить Малику отказом, но внезапно она приняла решение, причем помощь пришла с неожиданной стороны.

Стройная рыжеволосая женщина, сидящая за столиком в другой части ресторана, не сводила глаз с красивого властного лица Малика. В этом не было ничего необычного, поэтому Соррель сперва не придавала этому значения. Люди, особенно женщины, часто обращали внимание на Малика.

Но что-то изменилось, когда Малик предложил ей стать его любовницей. Соррель вдруг показалось, что теперь он принадлежит ей – или будет принадлежать, и очень скоро. Но мгновением позже она поняла: эта уверенность так же опасна, как и ее безответная любовь, длившаяся годами. Малик никогда не будет принадлежать ей. Он слишком горд и холоден для этого.

Малик изучал ее с интересом ученого, наблюдающего результаты своего эксперимента. Он ждал ответа Соррель, но, заметив, что она смотрит на рыжеволосую женщину, нахмурился. Прищурившись, Малик стал в упор разглядывать красотку.

Она явно пользовалась услугами стилиста, и он подсказал ей, что зеленый – определенно ее цвет. Изумрудное вечернее платье подчеркивает ее женственные формы и выгодно оттеняет ярко-рыжие волосы. Полные губы приоткрыты; она, очевидно, не слышит ни слова из того, что говорит ее спутник...

Какое-то время Соррель молча наблюдала за Маликом и рыжей. Всем своим видом незнакомка говорила ему: «Я хочу тебя». С таким же успехом она могла бы встать и громко заявить об этом на весь ресторан.

Соррель украдкой взглянула на Малика – на его губах играла чувственная улыбка.

Мне кажется, или он на самом деле смотрит на рыжеволосую так, будто тоже ее хочет?

Соррель с ума сходила от неведомой откуда взявшейся ревности. Она посмотрела на красотку, лицо которой выражало неприкрытое желание, и поняла: рыжая приняла бы предложение Малика, не раздумывая.

У него нет необходимости снимать женщин в ресторанах, однако он сказал, что ему нужна любовница...

Соррель в отчаянии закусил губу. Итак, должна ли она отклонить его предложение, поступить мудро и уйти от него?

Или ей следует поддаться желанию и согласиться, даже если ее мечты стать независимой, свободной женщиной обратятся в прах?

Возможно, это именно то, что ей нужно – она перестанет мечтать о нем и наконец-то сможет нормально жить.

– Хорошо, – проговорила она, чувствуя себя школьницей. Ей хотелось, чтобы они оказались в не столь многолюдном месте.

– Хорошо? – Малик нахмурился. Он думал, Соррель с радостью согласиться стать его любовницей и проявит больше эмоций. Очевидно, она не поняла, что своим предложением он оказал ей честь.

Но я заставлю ее понять это, мрачно подумал он.

Соррель поерзала на стуле. Многочисленные вопросы, роившиеся в ее мозгу, требовали ответа.

– А как... А что скажет Фарик, когда узнает?..

Малик коротко рассмеялся.

– Я не собираюсь объявлять об этом по телевидению.

Его сарказм должен был предупредить Соррель что она играет с огнем, но уже было слишком поздно. Она не могла остановиться.

Если мы заключаем договор, его детали необходимо обсудить прямо сейчас.

– Имеешь в виду, это станет нашей тайной: Фарик не узнает?

– Конечно, узнает, – мягко уверил ее Малик. – Но, как обычно, будет держать язык за зубами.

– Да, конечно...

Губы Соррель дрожали, и внезапно Малик понял, что безумно хочет поцеловать ее. Он повернулся к своему помощнику, сидящему за соседним столиком, и подал ему условный знак, говорящий о том, что они готовы покинуть ресторан.

Руки девушки стали влажными от страха, когда они поднимались в лифте отеля в пентхаус Малика. Охранник отпер дверь, после чего Малик приказал ему, телохранителям и Фариду удалиться. Они безропотно подчинились, но Соррель заметила неодобрение и удивление во взгляде советника шейха.

Закрыв дверь, Малик подошел к своей воспитаннице. Положив руки ей на плечи, он пробормотал хриплым от желания голосом:

– Наконец-то мы одни. Пора начать первый урок.

Сквозь ткань футболки Соррель чувствовала жар его ладоней. Внезапно она поняла, что еще не готова.

– Ты хочешь сказать... прямо сейчас?

Ее лицо было так близко... Малик залюбовался ее блестящими глазами цвета сапфиров.

– Сейчас? – переспросил он.

– Ты хочешь отправиться в постель сейчас? – повторила Соррель.

Его взгляд стал жестче.

– Недостаток, присущий современным женщинам. Они стремятся проглотить пищу, не распробовав ее вкуса. Удовольствие надо уметь растягивать.

Похоже, он делал ей выговор. Соррель посмотрела на него, пытаясь скрыть свои эмоции.

– Я далеко не эксперт в этой области, Малик.

– Нет... конечно, нет.

Малик сгорал от желания поцеловать ее. Он забыл, что собирался тянуть время. Он не мог больше сдерживаться.

– Иди сюда, – приказал он, притягивая Соррель к себе.

Ее сумочка со стуком упала на пол, но она даже не заметила этого. Малик наклонился к ней и яростно впился губами в ее губы.

Он почувствовал головокружение, вдыхая ее аромат, пробуя ее на вкус, обнимая ее трепещущее тело, и сам задрожал, когда ее рот приоткрылся под его напором.

– Ох, Малик, – выдохнула Соррель, и ее руки, взметнувшись вверх, обняли его за шею.

Она крепко прижалась к нему, и у него перехватило дыхание – она так откровенно предлагала ему себя. На какое-то мгновение Малик представил себе, какая она сладкая и теплая, и напряжение стало почти невыносимым.

Он мог бы взять ее здесь и сейчас, целовать ее, пока она не станет покорной, уложить на ковер. Ему даже не нужно раздевать ее – просто приподнять юбку, разорвать трусики и...

– Малик! – снова услышал он и с легким стоном оттолкнул ее от себя.

– Я же сказал!!!

Соррель изумленно уставилась на него. Она была уверена: он получает такое же удовольствие от их поцелуя, как и она.

– Я... я сделала что-то не так?

– Да! Нет! – он помотал головой. – Предполагалось, что поцелуй должен быть медленным и чувственным, а не таким... развратным.

Этот поцелуй показал Малику, что он зря хвастался. Самый лучший любовник? Да он вел себя, как неопытный нетерпеливый подросток!

Малик резко развернулся и прошел в просторную гостиную. Соррель несколько минут смотрела ему вслед, а потом решила, что ей не остается ничего другого, кроме как последовать за ним.

Стоя у окна, Малик задумчиво смотрел на море. Ночь окрасила танцующие волны в цвет индиго, их гребни серебрило лунное сияние. Услышав за своей спиной шаги Соррель, шейх глубоко вздохнул. Он должен взять себя в руки для того, чтобы взять верх в столь необычных отношениях.

И многие вопросы необходимо решить прямо сейчас, потому что совсем скоро мы должны лететь в Мадрид.

– Нам еще многое предстоит сделать, – мягко сказал он, – но не сегодня. Сейчас тебе лучше отправиться в постель. – Обернувшись, Малик погладил Соррель по щеке. Увидев, как потемнели ее глаза, он покачал головой. – Нет, ты будешь спать одна.

Соррель сухо улыбнулась. Она с трудом сдержалась, чтобы не поинтересоваться: «Не скажешь ли чего-либо новенького?»

Я и так всегда была одна.

Глава шестая

Проснувшись утром, Соррель подумала, не приснился ли ей вчерашний вечер. Малик ворвался к ней в квартиру, разогнал ее гостей, пригласил ее в ресторан и предложил научить всему, что она хотела знать о любви. Но когда Соррель провела пальцами по своим припухшим губам, она поняла – все произошло наяву.

Соррель чувствовала запах Малика на своей коже, ощущала его вкус на своих губах. Приняв душ, она надела кружевное белье и длинное шелковое платье, которое привезла из Харастана. Правильно ли она поступала? Никто не мог ответить ей на этот вопрос. Соррель привыкла к одиночеству. Даже когда были живы ее родители, она понимала, что занимает не самое главное место в их жизни. Они любили ее, но страсть к изучению чужой культуры была сильнее.

Соррель огляделась. На столе лежал ее паспорт и какие-то бумаги. Одежда уже была сложена в два чемодана.

В дверь позвонили, и Соррель прошла в прихожую. Наверняка это один из помощников шейха.

Однако Малик предпочел явиться сам. Он выглядел именно так, каким она всегда его знала – безупречный европейский костюм, в котором он был вчера, шейх сменил на традиционный наряд своей страны – свободную длинную тунику из тончайшего шелка.

– Малик, – прошептала она.

– Я вижу, сегодня ты оделась более подходящим образом, – пробормотал он, и все же – вчера он был взбешен, когда увидел ее длинные стройные обнаженные ноги, а сегодня мечтал посмотреть на них.

Соррель провела рукой по гладкому шелку своего одеяния.

– Это единственное платье, которое я привезла с собой. Оно очень старое.

Малик нахмурился.

– Да, вижу. Но во дворце была портниха, почему ты к ней не обращалась?

– Я чувствовала, что это как-то неправильно.

– Но почему?

Как ему объяснить, что она не хотела наряжаться на все эти приемы и обеды?

– Я там не отдыхала, Малик, а работала. Мне было необходимо оставаться на заднем плане, а не выделяться из толпы.

Такое объяснение ему просто не приходило в голову. Он никогда, даже до того, как стал шейхом, не мог подумать, что кому-то может быть безразлична роскошь. Малик имел дело с многими женщинами. Его любовницы, конечно, заставили бы портниху день и ночь работать на них. Его мать умерла, и его младенцем отдали на попечение няnek и слуг. Если бы его спросили, кто из женщин ему ближе всего, он бы указал на Соррель, а теперь оказалось, что он ее совсем не знает. Может, это объяснялось тем, как она изменилась за время, проведенное в Англии? Девушка, которая прежде не интересовалась нарядами, вдруг оказывается в центре модной жизни...

Малик тряхнул головой. Зачем он теряет время на подобную ерунду? Какое ему дело до этого?

– Конечно, мне нравится твоя скромность, но для путешествия тебе понадобится новый гардероб. Ты станешь кем-то вроде женщины-посла Харастана.

– Я? – поразила Соррель.

Малик кивнул.

– Нас уже давно упрекают в том, что наши женщины совершенно бесправны. Твоя задача – показать, что все обстоит иначе.

– Ты думаешь, я не разделяю эту точку зрения?

Черные глаза обжигали ее.

– А ты не разделяешь?

Соррель покачала головой и вздохнула. Женщины Харастана имели возможность расти и развиваться – им не запрещалось ни учиться, ни работать. Харастанки действительно не могли носить мини-юбки, но какой смысл протестовать, заявлять, что женщины имеют право обнажать ноги – мужчины все равно настоят на своем!

– Нет, не разделяю. Хотя и не утверждаю, что в Харастане идеальное общество.

– Идеального общества вообще не существует, – заявил шейх и улыбнулся. Тут он вспомнил, что на улице их ждут три машины и Фарик снова будет ворчать. – Но мы теряем время, пора отправляться... – хитро улыбнувшись, Малик сделал шаг по направлению к Соррель, и она отступила, поняв, что он заманил ее в ловушку.

– Ты... ты говорил... мне надо пройти по магазинам?

Мужчина обнял ее за талию и притянул к себе.

– По магазинам? – он одарил ее медленной чувственной улыбкой. – Нет, не думаю. Ты же понимаешь, что в Брайтоне вряд ли можно купить то, что тебе нужно. Нет, Соррель, не волнуйся по этому поводу.

Держа руку на ее талии, он подумал, что лучше всего ее тело выглядело бы без одежды. Но разве это не часть игры – выжидать, добиваться женщины, которую желаешь? Почувствовав, как Соррель задрожала в его руках, он снова улыбнулся.

– Я уже заказал все, что тебе необходимо.

Обрадованная поводом отвлечься от обжигающих прикосновений Малика, Соррель удивленно спросила:

– Как тебе это удалось?

– Мой портной уже подобрал тебе гардероб.

– Я все равно не понимаю, Малик.

– Портной знает твой размер, у него записаны все данные, – он медленно и дерзко обвел взглядом ее тело. – Я не думаю, что ты набрала вес. Скорее, даже потеряла несколько килограммов. Мне придется сытно тебя кормить, Соррель. Мужчинам Харастана нравится, чтобы у их женщин были более пышные формы.

Соррель нетерпеливо покачала головой. *Он специально притворяется, что не понимает меня...*

– Одежда уже готова?

Он кивнул.

– Но *как* она может быть готова, если я только вчера вечером согласилась поехать с тобой?

– Потому что я уже несколько недель назад решил, что позову тебя с собой.

– Но... если бы я не согласилась? – медленно спросила она.

Малик пожал широкими плечами, даже не пытаясь скрыть раздражение.

– Я знал, что ты согласишься. Видишь ли, я всегда получаю желаемое.

Сердце Соррель колотилось. Она злилась на Малика за то, что он так хитро манипулировал ей. *А он, похоже, не жалеет о своем решении.*

– А как ты поступишь, если я скажу, что у меня есть собственное мнение? – с жаром сказала она. – Если я разорву наш договор? Если я сейчас уйду отсюда? Что ты будешь делать?

– Вот это, – нежно промурлыкал Малик. – Я сделаю вот это.

Он нагнул голову, приблизив свои губы к ее.

Она пыталась сопротивляться, колотя кулачками по его твердой как камень груди, отворачиваясь от его горячего рта. Малик хрипло рассмеялся, когда она попыталась уклониться. Это движение явно было лишним, потому что он крепко прижал ее к себе, и она почувствовала, как он возбужден. Ее глаза расширились, она посмотрела на него и встретила его насмешливый взгляд.

– Да, Соррель, – медленно проговорил он. – Ты чувствуешь меня. Чувствуешь, как ты возбуждаешь меня. Если бы я захотел, я мог бы взять тебя прямо сейчас. – Малик увидел, как покраснели ее щеки. – Но я не буду этого делать. Я собираюсь учить тебя медленно и долго. А теперь иди ко мне, поцелуй меня.

Их губы были так близко, что Соррель ощущала его теплое дыхание. Такая короткая дистанция, но для нее – огромный прыжок в неизведанное. Она знала, Малик говорит правду – шейх всегда получает то, что хочет. Однако девушка понимала: он не стал бы удерживать ее, если бы она захотела уйти.

Если бы я захотела уйти...

Она уже не могла сделать этого. Соррель пересекла невидимую черту, и пути назад не было.

– Поцелуй меня, Соррель, – повторил Малик, и впервые в его голосе она услышала неприкрытое вожделение.

Она помедлила секунду и, не давая себе времени опомниться, несмело поцеловала его. Он властно заставил ее приоткрыть губы, скользнув между ними языком, который сразу же принялся исследовать каждый миллиметр ее рта. Соррель чувствовала невероятное возбуждение, а Малик продолжал свои ласки, проводя рукой по ее волосам и прижимая к себе все крепче.

Он как будто обладал неведомой силой, заставляя ее делать то, что ему хотелось. Иначе откуда же она могла узнать, как ей следует себя вести? Неужели это у нее вырвался этот полный желания крик? И почему ее губы ласкают его так, что он стонет в ответ? Неужели он читает ее мысли, выполняя все ее невысказанные желания? Она жаждала, чтобы поцелуй стал глубже, но застонала от отчаяния, когда его язык ворвался к ней в рот. Потому что теперь она хотела большего. Гораздо большего.

– Соррель, что ты со мной делаешь... – прошептал Малик, резко отстранившись от нее.

Несколько мгновений он не двигался, просто не осмеливался. Одно слово или движение, и он забудет о том, что говорил ей о сдержанности и умении растягивать удовольствие. Он никогда никого не хотел так, как ее.

Это все потому, что она так невинна, уговаривал он себя. Женщины, с которыми он привык иметь дело, имели большой опыт и всегда давали ему желаемое без всяких просьб с его стороны.

Соррель открыла глаза. Она тяжело дышала, как после пробежки. Глаза лихорадочно блестели, а кожа горела. В его взгляде она видела желание, но через секунду оно пропало, и он снова стал невозмутимым.

– Что случилось? – взволнованно спросила она, отчаянно желая снова прижаться к его губам. – Почему ты остановился?

– Ты слишком нетерпеливая ученица, – заявил Малик.

Тут Соррель впервые пришло в голову, что она сглупила, заключив с ним эту сделку. Теперь любой другой покажется лишь жалким подобием Малика. Больше никто не заставит ее пережить те же ощущения, которые ей дарит этот мужчина.

– А ты очень опытный учитель.

Он критически осмотрел ее и, увидев, как мечтательно затуманился ее взор, понял: это никуда не годится. Соррель должна усвоить – ей придется сохранять невозмутимость в любой си-

туации. Сейчас ей предстоит как ни в чем не бывало пройти к лимузину, как будто они здесь всего лишь разговаривали о расписании на ближайшие дни.

– Иди умойся и причешись, – приказал он более грубо, чем намеревался, и, к своему ужасу, увидел, как она прикрыла глаза, чтобы спрятать от него свою боль.

Неужели Соррель не понимает, ее манящий взгляд заставляет меня желать ее так сильно, что я готов отложить поездку. Я хочу одного – отнести ее в постель, как будто мы – обычные люди, которые могут себе позволить наслаждаться друг другом.

Конечно, не понимает, мрачно подумал Малик.

Соррель ничего не знает не только о мужчинах, но и о своем влиянии на них, и ему предстоит научить ее всему.

Мужчина приподнял ее подбородок.

– Соррель, – промолвил он почти нежно. – Посмотри на меня.

Она с трудом сдерживала слезы. Что она сделала не так, почему он говорит с ней так грубо?

– Я не доставляю тебе удовольствие, – грустно сказала девушка.

В этот момент ему хотелось повернуть время вспять, чтобы Соррель вновь стала той, какой он знал ее когда-то. Но они заключили сделку. Соррель вызывала у него вожделение, и он не успокоится, пока не познает ее.

Конечно, после этого мы уже не вернемся к тем отношениям, что были между нами раньше, но мне придется рискнуть.

– Ты доставляешь мне большее удовольствие, чем можешь себе представить, – проговорил он как можно мягче. – Но я не могу поддаваться желанию тогда, когда захочу. У меня есть обязанности, которые необходимо выполнять. Секс делает человека слабым, Соррель, а я не могу себе этого позволить. Поэтому и тебе придется научиться контролировать свою страсть.

– Это нужно тебе?

Он покачал головой.

– Это нужно нам обоим. Я должен быть неуязвим, но и тебе требуется защита. Если откроется, что ты – моя возлюбленная, у моих врагов появится оружие против меня.

– У тебя есть враги, Малик? – обеспокоенно спросила Соррель.

Как же она наивна!

– У каждого правителя есть враги, – невесело рассмеялся Малик. – Особенно у тех, кто взошел на престол так неожиданно, как я. Но не переживай, малышка, иначе я не смогу сосредоточиться на работе. Успокойся, и мы начнем наше путешествие. Самолет уже готов, а в Мадриде нас ждут важные люди.

Соррель улыбнулась ему. Внутри нее все ликовало – он не называл ее малышкой уже много лет. Но теперь надо постараться взять себя в руки, ведь он ясно дал понять, что она должна проявлять как можно меньше эмоций.

Нужно действовать именно так, говорила она себе в ванной комнате, умываясь холодной водой.

Следующая остановка – Испания.

Соррель в последний раз взглянула на свое отражение в зеркале и вышла к ожидающему ее шейху.

Глава седьмая

– Я вам еще нужен, Ваше Величество?

Малик подписал последний документ и отдал его Фарику. Шейх работал с бумагами с тех пор, как вернулся с приема, устроенного в его честь, но все это время чувствовал, как растет его возбуждение.

– Нет, спасибо, Фарик, можешь идти. Я ненадолго выйду на террасу, подышать свежим воздухом, а потом лягу спать.

Шейх широко зевнул, желая убедить своего помощника, что очень устал. Обычно он почти ничего не скрывал от Фарика, но в этот раз все было по-другому. Он должен соблюдать приличия, ведь с ним Соррель.

– Как прикажете, Ваше Величество. Спокойной ночи. – Фарик поклонился и вышел из рос-

кошного номера шейха.

Малику и его свите отвели весь верхний этаж дорогого отеля в Мадриде. Сам шейх занимал номер люкс с гостиной, кабинетом, где он мог работать, и двумя спальнями, каждая с отдельной ванной комнатой и гардеробной. В воздухе витал аромат сандалового дерева, а на полу в гостиной лежали огромные, украшенные вышивкой подушки.

Шейх вышел на террасу на крыше отеля – сказочное место, где в кадках росли апельсиновые деревья и гулял теплый ветерок, который не мог задуть свечи, расставленные на перилах. В ночном небе ярко сияли звезды, а далеко внизу дрожало море огней на улицах никогда не засыпающего города.

Малик в нетерпении посмотрел на часы и вернулся в номер как раз вовремя, чтобы услышать стук в дверь.

– Входи, – сказал он, и на пороге появилась Соррель, повинувшись приказу, который он отдал ей еще на приеме. – В чем дело? – спросил Малик, заметив, что она чем-то обеспокоена.

Девушка попыталась улыбнуться.

– Я почему-то чувствую себя виноватой, когда мне приходится пробираться к тебе украдкой. Это неправильно.

Нахмурившись, Малик сердито взглянул на нее:

– Ты же знала, мы будем хранить наши отношения в тайне.

В его голосе слышалось осуждение, и Соррель проглотила комок в горле.

– Так что же, Соррель? – холодно спросил он.

Как объяснить ему, что я весь вечер нервно ходила по своей комнате, раздумывая, смогу ли пройти через все это...

Я боюсь, хотела сказать Соррель, но сдержалась, не желая перекладывать всю тяжесть ответственности на Малика. Она сама приняла решение стать его любовницей. Если она продолжит вести себя как ребенок, то и относиться он к ней будет, как к маленькой девочке.

– Я не знала, как мне поступить, что одеть... – призналась она.

Уже лучше. Соррель нервничает, и это нормально, только бы она не передумала.

Малик смотрел на нее, вспоминая прошедший вечер.

Она выглядела просто изумительно, когда вошла вслед за ним в посольство, в зал, где были накрыты столы. Все внимание присутствующих было устремлено на нее. Женщины с завистью осматривали ее наряд, прикидывая стоимость платья и драгоценностей.

– Ты прекрасно справилась сегодня, – похвалил ее Малик.

– Правда?

Соррель выросла в семье дипломатов и посещала подобные мероприятия с детства. Она точно знала, как и с кем следует разговаривать, что есть и пить и с кем общаться. Но на этот раз все было несколько иначе. Она почувствовала на себе пристальные взгляды других людей, особенно женщин. Малик был завидным холостяком, и Соррель подозревала, что многие женщины пришли на прием только ради него.

– Ты же знаешь, это так, – сказал Малик с ноткой нетерпения в голосе. Неужели ему теперь всегда придется подбадривать ее, когда он сам так занят? Она должна понять, ее предназначение как спутницы шейха – сделать его жизнь легче, а не усложнять ее. – Все, перестань хмуриться и подойди ко мне.

Ее неуверенность испарилась, когда она увидела улыбку на его лице. Соррель соскучилась по нему, Малик не притрагивался к ней с тех пор, как они покинули Брайтон, и она начала сомневаться, не была ли эта безумная сделка плодом ее фантазии.

– О Малик, – прошептала она, обнимая его.

Малик отвел ее руки.

– Тише, я никуда не денусь, – негромко рассмеялся он.

Она подняла голову, взглянула на него и машинально закусил губу.

Опять он мною недоволен!

– Не надо, – мягко пробормотал он. – Твои губы может кусать только мужчина, когда секс становится диким и необузданным. Они слишком соблазнительные, мягкие и сладкие для этого. Но не сегодня. Сегодня ты еще не готова. Однако у меня есть кое-что для тебя... – Он наклонился к ней и просто потерся губами о ее губы, но Соррель содрогнулась от накатившего желания. Малик улыбнулся. – Да, так гораздо лучше. Теперь обними меня, только не так крепко.

Стараясь действовать не слишком импульсивно, девушка медленно положила руки ему на плечи и почувствовала жар его тела через шелк туники. За это ее тут же вознаградили – их поцелуй стал глубже, Малик словно говорил ей: слушайся меня, а я буду дарить тебе удовольствие.

Что ж, она послушается его и не станет проявлять эмоций.

Я научусь быть хладнокровной, Малик.

Она мечтала о нем всю жизнь, но этот поцелуй превосходил все ее фантазии. Теперь Малик был здесь, с ней, он прижимал ее к своему великолепному сексуальному телу, и Соррель не выдержала. Она коснулась языком его рта так легко, словно уже сто раз делала это.

От неожиданности Малик едва не потерял контроль над собой.

– Соррель, – выдохнул он и отстранился от нее, глядя на ее приоткрытые полные губы.

– Я доставляю тебе удовольствие, Малик? – мягко спросила она.

Она бы доставила ему еще большее удовольствие, если бы прикоснулась к его возбужденной плоти, но он знал, что еще рано ее об этом просить. Не сейчас.

– О да, мне очень хорошо, Соррель. Пойдем со мной. – Он взял ее за руку и повел к своей спальне. Соррель хотела сказать, что ей очень страшно, но не осмелилась. Если это единственный способ быть с Маликом, не лучше ли воспользоваться возможностью и насладиться им?

– Дай мне посмотреть на тебя, – шейх приподнял пальцами ее подбородок. Неожиданно он вытащил одну шпильку из ее высокой прически, затем вторую и третью, наблюдая, как волосы светлой волной рассыпаются по ее плечам. – Ты должна ходить с распущенными волосами, когда мы наедине, – низким хриплым голосом проговорил он. – Пообещай мне это.

Она хотела сказать: для тебя я готова шагнуть в огонь, но сдержалась.

Если бы я произнесла это вслух, Малик снова упрекнул бы меня в излишней эмоциональности.

Поэтому Соррель просто ответила:

– Обещаю.

– Наклони голову... вот так. Правильно. Я хочу поцеловать тебя вот здесь. – Малик провел влажными горячими губами по ее шее, чувствуя, как дрожит Соррель. – Тебе нравится?

Она с трудом могла стоять на ногах.

– Да, – прошептала она, закрывая глаза.

– А мне очень нравится твоя нежная шейка, Соррель. Она прекрасна.

Девушка стояла неподвижно, словно манекен, опустив руки, пока Малик ласкал ее губами и языком. Она боялась, что трепет собственного тела выдаст ее, и он узнает, какое удовольствие она получает от ласк. А Соррель не хотелось нарушать его запрет.

Малик притянул девушку к себе и вновь начал терзать ее губы. Она изо всех сил старалась не закричать от наслаждения. Это же просто поцелуй, с яростью сказала она себе, но ее сердце бешено колотилось. Он целовал ее жадно и настойчиво, а когда она была готова сгореть от вожделения, стал мягко и чувственно поглаживать своими губами ее губы.

Вдруг ей стало все равно, нарушит она его запрет или нет. Этот поцелуй разбудил в ней страсть, которую она скрывала от него долгие годы. Соррель крепко обняла Малика, услышав в ответ его стон, и прижалась к нему. Через несколько секунд он перестал ее целовать и поднял голову.

В его глазах горел огонь желания, дыхание было прерывистым и тяжелым, но он попытался взять себя в руки. Они договорились, что он обучит ее тайнам любви, и лучшие уроки должны быть посвящены прелюдии. Она должна постепенно открывать для себя все новые удовольствия, а не набрасываться на него. Подавив желание овладеть ею немедленно, Малик нагнулся и обольстительно промурлыкал ей на ухо:

– Я хочу снять с тебя платье.

– Т-тогда сними его, – дрожащим голосом ответила она.

На самом деле он мечтал сорвать с нее одежду, но ему было необходимо сохранять спокойствие. Малик никогда не терял контроль над собой. Он должен показать ей – да и себе тоже, – кто здесь главный.

Мужчина медленно потянул застежку молнии вниз. Свежий воздух немного охладил разгоряченную кожу Соррель. Похоже, сбывались все ее самые смелые фантазии – сейчас Малик гладил пальцами ее обнаженную спину. Однако она заметила, что его настроение изменилось.

Наверное, наш поцелуй для него тоже что-то значил...

– Я хочу увидеть тебя всю, – проговорил шейх, снимая с нее платье уверенным движением, как будто каждый день раздевал женщин. Он отбросил его в сторону и сделал шаг назад.

Соррель хотела закрыться руками, но что-то в его взгляде остановило ее.

– Ты не должна стесняться своего мужчины. В спальне нет места скромности. – Его глаза заблестели. – Убери руки, Соррель. Дай мне полюбоваться на тебя.

Соррель подчинилась. Она стояла перед ним, словно рабыня перед своим шейхом на картине, висевшей во дворце Малика.

Именно так я должна выглядеть? Как рабыня, которой не терпится исполнить каждое желание своего господина?

Соррель не могла понять по лицу Малика, что он почувствовал, когда окинул взглядом ее простой хлопковый бюстгальтер и трусики. Наконец его чувственные губы изогнулись в улыбке.

– А сейчас зайди в гардеробную, – мягко сказал он.

– Что я там должна найти?

– Увидишь.

В спальне нет места скромности, напомнил себе Соррель. Малик ни на секунду не отводил от нее глаз, когда она шла к гардеробной. Он наслаждался видом ее ягодиц, обтянутых хлопковыми трусиками, ему нравилась ее легкая плавная походка. Если он когда-либо и сомневался в ее невинности, то сейчас убедился: она не привыкла оставаться наедине с мужчиной.

Соррель вернулась к нему не сразу, но когда она вышла из гардеробной, выражение ее лица потрясло его. Она выглядела, как женщина, впервые осознавшая свою сексуальную силу. Настоящее чувственное пробуждение, произошедшее на его глазах. Она прошла первое испытание, с удовлетворением подумал Малик.

– Полагаю, ты хотел, чтобы я одела это?

– О да, именно это, – неожиданно глухо сказал он.

Ее целомудренный хлопковый комплект исчез, уступив место откровенному французскому белью, которое он сам заказал для нее. Полная грудь девушки поднималась и опускалась под красным кружевом крошечного бюстгальтера, а трусики идеально сидели на ее круглой попке. У Малика даже голова закружилась от желания, как будто он никогда не видел женщину, одетую – или, скорее, раздетую – так вызывающе.

Возможно, так оно и было, хотя его любовницы много раз раздевались перед ним. Но Соррель не видел обнаженной ни один мужчина. Она принадлежала лишь Малику.

– Иди ко мне, – почти простонал он.

Она двинулась к нему, покачивая бедрами и чувствуя, что ее походка становится соблазнительной помимо ее воли. Это было безумием, но волна дикой радости захлестнула ее, когда она увидела восхищение в глазах шейха.

– Вот так? – спросила она.

– Да, – выдохнул Малик. – Именно так.

Соррель не умела так контролировать себя, как он, и все эмоции отражались на ее лице. Малик видел ее неуверенность и опасение и внезапно засомневался – а правильно ли он поступает? Имеет ли он право вести эту чувственную сексуальную игру с неискушенной девушкой? Он мог испортить ее вместо того, чтобы научить доставлять удовольствие мужчине и себе самой.

Соррель уже стояла перед ним, откинув назад длинные светлые волосы.

– Вот и я, – прошептала она.

В этот момент она выглядела такой доверчивой и невинной, что Малику вновь захотелось отказаться от своей затеи.

Но если этого не сделаю я, мое место займет кто-то другой, напомнил он себе, почувствовав болезненный укол ревности.

Малик поднял Соррель на руки, демонстрируя ей свою силу и превосходство, и девушка закрыла глаза. Все происходило точно так, как она мечтала, только в своих фантазиях она не заходила настолько далеко. Ее охватила паника. Она вот-вот потеряет девственность с мужчиной, в которого влюблена без памяти.

Соррель почувствовала прохладу простыней, когда Малик опустил ее на кровать, и широко распахнула глаза. Не задумываясь, она протянула руку и провела кончиками пальцев по его щеке и подбородку. Интересно, нежности тоже не найдется места в их спальне?

– Мне будет очень... больно? – осторожно спросила Соррель.

Малик чуть слышно застонал, проводя ладонью по прекрасным изгибам ее тела, наклонил голову и поцеловал ее сосок через кружево бюстгалтера.

– Нет, – сказал он, дразня и покусывая ее чувствительную плоть. – Тебе не будет больно.

Соррель накрыла волна острого наслаждения.

– Но... я думала...

Малик чувствовал растущее напряжение.

– А ты не думай, Соррель, просто получай удовольствие.

Она откинулась на подушки и попыталась сосредоточиться на его ласках. Он прав – ни к чему сейчас задавать лишние вопросы, ведь она ждала этого момента всю жизнь.

Соррель думала, что этим теплым вечером ее любимый станет ее первым мужчиной, но она ошибалась. Малик даже не раздел ее полностью, просто расстегнул застёжку бюстгалтера и медленно снял его. Он резко выдохнул, когда увидел ее обнаженную грудь, и мягко проговорил что-то на своем родном языке.

– Что ты сказал? – спросила девушка, стараясь забыть о том, что она лежит на кровати в одних трусиках. – Я никогда не слышала это слово раньше.

Малик ответил не сразу, наслаждаясь нежностью ее кожи и сладостью ее сосков. Наконец он поднял голову.

– Это не то слово, которое может использовать женщина, – ответил он, поглаживая подушечкой большого пальца ее мягкую грудь. – Оно означает, что ты готова к удовольствию. Готова быть любимой.

Соррель закрыла глаза, чтобы скрыть внезапно нахлынувшую боль. Конечно же, он имел в виду: «готова заниматься любовью».

– Почему ты стала такой серьезной? – спросил он.

Как ему объяснить, что с ней происходит? Ей легче было лежать перед ним обнаженной, чем раскрыть свои чувства.

– Я не знаю, что делать, – искренне ответила она.

Малик удовлетворенно кивнул.

– Так и должно быть. Все вполне естественно – мужчина, у которого гораздо больше опыта, учит свою женщину всему, что знает сам. – Он одарил ее медленной сексуальной улыбкой. – Если быть до конца честным, я очень рад, что сейчас моя женщина не пытается произвести на меня впечатление своими способностями в постели.

Соррель рассердилась: с его стороны было не совсем порядочно говорить ей это, тем более прямо сейчас, но любопытство взяло верх.

– А твои любовницы часто это делали?

– Да, а с тех пор, как я стал шейхом, делают это все чаще, – признался он. – Они думают, таким образом мужчину можно заманить в ловушку.

– А это так?

Он нежно убрал прядь светлых волос с ее щеки. Как же она невинна!

– Конечно, нет. Иногда чрезмерная активность даже отталкивает. – Малик нахмурился. Что он делает? Какого черта он разговаривает с ней о таких вещах? Разве это не сближает их больше, чем он того хотел? Это Соррель, и она знает его лучше, чем кто бы то ни было. Означало ли это, что она имеет над ним власть?

Нем!

Малик вновь начал поглаживать ее грудь, но на этот раз он решил показать ей все свое мастерство.

Его пальцы дразнили, ласкали, возбуждали ее, а губы и язык оставляли влажные следы на ее коже. Он целовал ее щеки, веки, шею, спускаясь к груди. Соррель захлестнули эмоции. Она поняла, ее ожидает что-то особенное, и задрожала в предвкушении.

Тепло разливалось по ее телу, глаза затуманились, а руки сами взметнулись вверх. Она обняла Малика в тот момент, когда он накрыл ее губы своим ртом. Из груди Соррель вырвался полный желаний крик. Шейх чувствовал, как напряжено ее тело, и улыбнулся. Его рука скользнула меж ее ног и принялась бесстыдно ласкать ее *там*.

– Что это? – Соррель была поражена. Она хотела спросить его, как возможно, чтобы она чувствовала себя так... так... – Малик, – простонала она, и ее глаза расширились. – Что ты...

Он с удовольствием наблюдал, как девушка реагирует на его ласки.

– Не думай ни о чем, – повторил Малик. – Просто наслаждайся.

И она подчинилась ему, чувствуя, как волны блаженства накатывают на нее снова и снова, и выгнулась дугой, выкрикивая его имя, когда одна из них накрыла ее с головой.

– Малик, – всхлипнула она, когда дрожь наконец отпустила ее тело.

– В чем дело? – поддразнил он, любуясь ее прекрасным растерянным лицом.

Соррель смотрела на мужчину, завоевавшего ее сердце с первого взгляда, и на какое-то мгновение забыла об осторожности.

– Я... – «Я люблю тебя», – хотела сказать она, но вовремя остановилась, увидев, что его глаза сузились, и он холодно отстранился от нее. – Я просто в восторге, – довольно промурлыкала она, осознавая, что уже никогда не станет прежней Соррель.

Глава восьмая

Итак, кем же я стала? Каждую ночь Малик открывал для Соррель новые грани удовольствия, раз за разом доводя ее до оргазма. Она стонала от наслаждения, но должна была сдерживаться, чтобы не сказать ему слова, которые он не желал слышать – по крайней мере не от нее. Тем не менее она с нетерпением ждала каждого следующего урока, как ребенок ждет праздника.

Соррель не задумывалась о настоящем, но будущее сильно волновало ее. Неумолимо приближался день, когда Малик посчитает, что ее обучение закончено. Сможет ли она спокойно уйти от него? Эта мысль была для нее невыносима.

– Соррель!

Голос Малика заставил девушку вздрогнуть от неожиданности, и ее сердце заколотилось, хотя внешне она осталась спокойной.

В данный момент они находились в Париже, который стал последней остановкой их долгого путешествия. Соррель сидела за столом, просматривая целый ворох вырезок из французских газет. Она с удовлетворением отметила, что Малика хорошо приняли здесь.

Его шаги приближались, и вот он появился на пороге, красивый, темноволосый и невероятно сексуальный. Взгляд его черных глаз обжигал Соррель, и по ее телу прошла дрожь.

В Париже ярко светило солнце, стояла великолепная погода, но Соррель с грустью подумала, что с таким же успехом они могли находиться в любом другом городе мира. Их неизменно встречали в аэропорту и быстро отвозили в отель в большом лимузине с тонированными стеклами, сквозь которые не проникал солнечный свет. Если им и удавалось увидеть достопримечательности – как, например, вчера Елисейские Поля, то из окна лимузина они напоминали выцветшие фотографии. Просто изображение на открытке.

Соррель и Малик были отрезаны от всего мира, и девушке иногда казалось, что она существует словно во сне – большие города, сменяющие друг друга, и ласки Малика по ночам... Соррель посмотрела в его глаза.

– Ты что-то хотел?

– Я хочу тебя, – мягко сказал он.

О, как же сильно она жаждала его, и он, без сомнения, знал это. Очевидно, он думал, она бросится к нему, прямо в его объятия. Тогда он смог бы целовать ее, пока она не задрожит в предвкушении удовольствия. Часть ее уже стремилась к нему, но гордость не позволила Соррель поддаться искушению и подняться с места.

Ей надоело быть игрушкой Малика, с которой он мог забавляться, когда хотел. Лишь когда Соррель была занята делом, помогая ему в работе, она чувствовала себя свободной. Она становилась *личностью*, принадлежащей самой себе. Все менялось, когда Малик показывал ей, сколькими способами он может ублажить женщину, даже не входя в нее...

– Что ж... – она отвела глаза, чувствуя себя в роли его помощницы более комфортно, чем в роли любовницы. – Я разбирала бумаги, – кивнула она в сторону документов и газет, лежащих на столе.

– Попроси Фарику сделать это.

– У меня самой неплохо получается, – упрямо сказала Соррель.

Малик подошел к ней сзади, положил руки ей на плечи и наклонился, чтобы поцеловать ее обнаженную шею.

– Я не хочу, чтобы ты этим занималась. Твое место рядом со мной. Ты должна делать то,

что я скажу, и получать удовольствие в моих руках. Ты ведь знаешь это, Соррель?

О да, она знала. Она уже давно это поняла. Закрыв на секунду глаза, Соррель позволила его теплым губам ласкать ее. Интересно, что он придумает сегодня? Каким способом доведет ее до оргазма, при этом оставаясь физически и эмоционально отстраненным?

Ее не удивляло, что он не проявлял к ней никаких чувств, она была к этому готова. Но почему же он даже не пытался слиться с ней в единое целое? Может, все дело в ней? Видимо, он больше не находил ее привлекательной, потому что, несмотря на продолжающиеся уроки любви, Соррель все еще оставалась девственницей.

Сначала она думала, что он боится испугать ее, поэтому действует осторожно, постепенно подготавливая ее. Но Соррель не боялась, она мечтала, чтобы Малик занялся с ней любовью. Но он не торопился.

Она получала удовольствие от его пальцев, губ или языка, а потом лежала в его объятиях, дрожа от пережитого наслаждения. Когда же она успокаивалась, он резко вставал и выходил из комнаты, оставляя ее удовлетворенной, но в то же время желающей продолжения. Соррель мечтала о нем, не понимая, почему он не дает ей то, чего она хочет. Неужели все дело в его самоконтроле?

В любом случае умолять его она не собиралась. Соррель открыла глаза и медленно поднялась из-за стола.

– Звонил твой брат, – сказала она.

– Мой брат? – Малик помолчал, затем холодно поправил ее: – Имеешь в виду, мой сводный брат? Который из двух?

А как он думает?

– Тот, который живет в Париже, Малик, – мягко ответила Соррель. – Ксавье.

Мужчина ничего не сказал. Подойдя к окну, он долго смотрел на крыши домов, на которых играло солнце.

У Малика было два сводных брата – Ксавье, наполовину француз, и Джованни, наполовину итальянец. У них был один отец и разные матери. Малик хотел бы забыть эту запутанную историю, если бы у него была такая возможность.

До определенного момента он думал, что ему, сироте, невероятно повезло, что он смог добиться многого при дворе шейха Харастана. Но два года назад шейх сделал сенсационное признание: оказалось, Малик являлся его сыном и должен был стать правителем страны. Кроме того, у старика оказалось еще два сына, таким образом у недавнего сироты появились братья.

Стать шейхом оказалось гораздо легче, чем привыкнуть к мысли, что у него есть семья. Он был правой рукой шейха и знал о Харастане больше, чем кто-либо другой. Малик быстро научился управлять страной.

А вот со сводными братьями дела обстояли иначе. Ксавье и Джованни были младше его, поэтому не могли унаследовать трон их отца. Но даже если бы они были старше, ничего бы не изменилось. Конституция Харастана гласила: только мужчина, в чьих венах течет чистая харастанская кровь, может стать шейхом.

К своему облегчению, Малик понял: раздора между братьями не будет, но пресекал все попытки Джованни и Ксавье навестить его, чтобы, как они выразились, «получше познакомиться и узнать друг друга ближе». Ему не нужна была семья.

Малик на своем опыте убедился: ему лучше оставаться одиноким. Отношения только усложняют жизнь. Отношения приносят с собой беспокойство, сомнения и боль. Отношения делают человека узким.

Если бы Малик не стал шейхом, он вел бы уединенный образ жизни, к которому так привык. Но его судьба оказалась другой, и он не мог позволить себе выбирать. Однажды он женится, и на свет появится его наследник, но до тех пор он будет один.

Малик отвернулся от окна и подумал, как восхитительно выглядит Соррель. Ее светлые волосы рассыпались по плечам так, как он любил. В длинном белом шелковом платье она была похожа на греческую богиню. Он почувствовал, как у него перехватило горло от нарастающего желания, но, увидев ее вопросительный взгляд, вздохнул.

– Что хотел Ксавье?

Интересно, он на самом деле не понимает или только притворяется? Соррель склонила голову.

– Давай подумаем... – протянула она. – Ксавье живет в Париже, а ты случайно оказался здесь. У тебя появились какие-нибудь мысли насчет того, зачем он звонил, или позвоним твоих аналитиков?

Его глаза сузились.

– Пытаешься острить?

– Потому что ты ведешь себя просто смешно!

Малик грозно смотрел на нее, его рот превратился в тонкую линию. Соррель не собиралась терпеть, чтобы ее запугивал мужчина, которого она знала всю жизнь. И не важно, что в гневе он выглядел невероятно сексуально. Соррель переживала за него.

На этот раз я не позволю ему просто убежать от проблемы.

– По-моему, очевидно, что Ксавье и Лаура хотят встретиться с тобой, пока ты не уехал. Вы не виделись со свадьбы Джованни.

Нет нужды напоминать мне, когда я в последний раз видел собственного брата!

– Я не знаю, будет ли у меня время, – хмуро сказал Малик.

– Будет, – ласково заверила его Соррель, заглядывая в ежедневник. – Прием в Министерстве иностранных дел закончится рано, и ты вполне сможешь поужинать с братом. Послушай, Малик, мы оба знаем, как тяжело жить без семьи. Но у тебя-то она появилась! Почему ты не хочешь использовать возможность узнать Ксавье получше?

Соррель говорила так убедительно, что у Малика защемило сердце. Он представил себе другую жизнь, в которой женщины хранят мир и покой в семье. Жизнь, которой у него никогда не будет.

– Может, ты перестанешь наконец навязывать мне свои мечты о Счастливой Семье? – резко спросил он.

– Но я ничего тебе не навязываю!

Его темные брови презрительно приподнялись.

– Или ты намеревалась представить нас с тобой парой? Получить одобрение моей семьи перед тем, как убедить меня объявить всему миру, что мы вместе? Таков твой план?

Сначала Соррель подумала, что Малик шутит, настолько нелепым было его обвинение. Но, посмотрев в его разъяренное лицо, она поняла: он говорит серьезно.

– Как ты смеешь? У меня даже в мыслях не было ничего подобного!

– Мы не пара, Соррель! – выкрикнул Малик. – Ты это знаешь, и я это знаю. Более того, мы никогда не станем парой!

– Конечно, я знаю! – *И знала с самого начала.* Дыхание Соррель стало прерывистым от злости. – Ты мне ясно дал понять – настоящей близости между нами быть не может!

К своему удивлению, Малик почувствовал, что эта ссора возбуждает его. Злость уступала место желанию. Его плоть напряглась, но, как и всегда в последнее время, это физическое проявление страсти напомнило ему, что у него не просто очередной роман. Они заключили с Соррель сделку. Он все время сдерживал себя, сходя с ума от вожделения, но в то же время наслаждался этой изысканной пыткой.

– Подойди ко мне, – мягко приказал он.

– Нет. Думаешь, ты можешь разговаривать со мной, как с дурой, а потом просто щелкнуть пальцами, и я прибегу к тебе?

Именно так он и думал – только с одной поправкой. Он не считал ее дурой, но с остальными ее словами был полностью согласен. Однако он догадывался: ему не стоит говорить об этом Соррель.

– Разве ты не знаешь, как мне нравится, когда ты мне перечишь? – пробормотал он своим низким порочным голосом. – Разве не знаешь, как меня это заводит?

Затаив дыхание, Соррель посмотрела на него. Он совсем заморочил ей голову, и она уже ни в чем не была уверена.

– Малик...

Он заметил тревогу в ее голосе. Ему не доводилось так долго жить под одной крышей с женщиной. Обычно его любовницы представляли перед ним во всем своем блеске, при полном параде, готовые к любви. Но Соррель вошла в его жизнь и была с ним рядом всегда, в любом настроении и состоянии.

– Иди ко мне, – прошептал он, и на этот раз она шагнула в его объятия, прижавшись к его

большому мускулистому телу. Пока она не видела его лица, Малик закрыл глаза, вдыхая легкий аромат ее роскошных волос. Затем он отстранился и посмотрел на нее. – Теперь скажи мне, что случилось? Что тебя беспокоит?

– Ты... – Она несмело дотронулась кончиками пальцев до его щеки. – Я с ума схожу, пытаюсь понять, почему... – Она помолчала, набираясь храбрости, и выпалила: – Почему ты не хочешь заниматься со мной любовью?

Малик задумчиво провел ладонью по соблазнительной ложбинке между ее грудей.

– А разве я не этим с тобой занимаюсь на протяжении всей последней недели?

Глупо было стесняться говорить с ним о сексе после того, как она столько ночей содрогалась от наслаждения, которое ей дарили его пальцы и губы. Она же не стеснялась *тогда*, не так ли? Но одно дело сгорать от страсти, и совсем другое – обсуждать это при свете дня с мужчиной, который всеми силами избегает разговоров обо всем, что касается чувств.

– Я имею в виду... полностью, – пролепетала она с горящими щеками.

– Вот оно что! – Малик погладил ее по волосам. Он видел, как ее уверенность в себе растет день за днем, но этот румянец – напоминание о ее невинности – вызвал в нем угрызения совести.

Неужели он думал, что в одно прекрасное утро проснется и все сомнения внезапно исчезнут? Что он сможет овладеть ею, наполнить ее собой, а потом просто отбросить в сторону, занявшись поисками невесты?

Мог ли он, зная все это заранее, заставить ее заплатить такую цену за потерю девственности? Ни одна женщина не заслуживала подобного обращения, а тем более Соррель.

Но если он не лишит ее девственности, это сделает другой мужчина.

Малик сжал кулаки. Такому не бывать! Он стал шейхом не так давно, но два года управления огромной страной изменили его. Власть, которую он получил, повлияла на него. А сейчас Малик был опьянен вождельем. Никогда прежде он не испытывал такого неистового желания, но знал: чувства не должны затмевать его разум.

Он был шейхом и потому стоял на ступеньку выше, чем любой другой человек. В данный момент он не знал, как ему поступить с Соррель, но, пока он не принял решение, она должна безоговорочно подчиняться ему.

Она не имеет права задавать мне вопросы.

– Ты не должна сомневаться в моих решениях или моем поведении, – холодно сказал он. – Никогда. Я шейх, и мое слово – закон.

Однако об эмоциях и отношениях Соррель знала побольше хладнокровного шейха. Она глубоко вздохнула.

– Хорошо. Я не буду больше задавать вопросы о сексе. Ведь ты знаешь, что делаешь. – Ее голубые глаза сверкали. – Однако я буду плохим помощником шейха, если допущу, чтобы ты предпринял шаги, которые смогут причинить ущерб трону, – тихо добавила она.

– Поясни!

– Я считаю, ты совершишь ошибку, если не встретишься со своим братом. Если ты не можешь сделать это, руководствуясь любовью к нему, тогда, по крайней мере, вспомни о чувстве долга! Представь, а если журналисты узнают, что ты избегаешь Ксавье? Разразится настоящий скандал! Только подумай об этом.

На секунду его губы изогнулись в улыбке, но он успел взять себя в руки и пристально посмотреть на нее.

Она осмелилась сказать мне такое? Мне, шейху?

– Ты просто дерзкая девчонка! – возмутился Малик.

– Или хороший помощник, – возразила Соррель, чувствуя, что поступает правильно.

Его глаза сузились. Возможно, она в чем-то права. После головокружительного восшествия Малика на престол журналисты очень заинтересовались подробностями его жизни, а им не составит труда раздуть скандал из ничего.

– Хорошо. Я встречу с братом, – сдался Малик. – Распорядись насчет охраны. И скажи, пусть закажут столик в ресторане.

Соррель кивнула. Позвонив Фарику, она передала ему приказы шейха. В это время Малик прошел к двери, проверил, заперта ли она, и вернулся в комнату. Медленно приблизившись к Соррель, он приказал:

– Поцелуй меня.

Ему не пришлось просить дважды, потому что ее губы горели от желания дотронуться до него. Но маленькая победа над шейхом придала Соррель смелости. Если она смогла переспорить его, почему она должна оставаться безучастной, когда он занимается с ней любовью?

Он точно знал, где ласкать ее, чтобы она застонала от наслаждения, но не позволял ей дотрагиваться до него. Малик был рядом с ней, но в то же время так далеко!

Может, ему доставляло удовольствие смотреть на ее оргазм, а потом спокойно уходить? Словно он был не участником этого действия, а просто наблюдателем.

Или лучше оставить все как есть?

Она любила его, а он... Возможно, он делает мне одолжение, оставаясь таким холодным – по крайней мере, он не дает мне напрасно надеяться на ответное чувство, – подумала Соррель.

Малик обнял ее за талию, прижимая к себе все ближе. Обычно она вздыхала и позволяла ему целовать себя, пока не начинала трепетать от желания.

Почему она разрешала Малику руководить ею? Она же могла все изменить! Соррель пришла к нему неопытной девушкой, но учитель должен быть доволен, когда ученик проявляет инициативу.

Внезапно Соррель решилась; она притянула к себе его голову и прижалась мягкими губами к его рту. Во время этого медленного опьяняющего поцелуя Соррель неожиданно сильно прижалась к бедрам шейха. Девушка сделала это инстинктивно, но ее маневр сработал – она почувствовала его напряжение. Малик замер, вцепившись пальцами в ее плечи, его глаза потемнели.

– Ты что делаешь? – хрипло спросил он. Соррель все крепче прижималась бедрами к его бедрам, гладила его широкую спину. Она так давно хотела прикоснуться к нему так, но не осмеливалась – до этого момента.

– О Малик, – довольно промурлыкала она. – Я думаю, ты сам прекрасно знаешь.

– Перестань, Соррель, – простонал он, когда она полностью взяла инициативу в свои руки, толкнув его на гору подушек на полу. – Пожалуйста, остановись...

– Но ты же не хочешь, чтобы я останавливалась, – прошептала Соррель, запуская руку под его тунику и развязывая пояс на шароварах. Она двигалась быстро, понимая: он в любую секунду может остановить ее. Несмотря на то, что ей приходилось спешить, девушка не забывала уроков Малика – он учил ее, что тело создано для наслаждения, и она собиралась сдать экзамен «на отлично».

Как легко было дотрагиваться до него и заставлять его стонать! Соррель хотела доставить ему удовольствие, ведь он много раз делал то же самое для нее. Она хотела сказать Малику, как дорог он ей, но она ограничилась поцелуями и ласками. Девушка надеялась, что он не заметил ее секундного замешательства перед тем, как она стянула него шаровары. Вид его возбужденного детородного органа поразил ее, и она легонько провела по нему дрожащими пальцами.

– Соррель, – выдохнул Малик, беспомощно откидываясь на подушки. Не в первый раз женщина ласкала его губами, но обычно он при этом закрывал глаза, потому что его фантазии затмевала реальность. На этот раз все было по-другому.

Малик видел движение головы Соррель, видел, как ее светлые волосы рассыпались по его бедрам, и это легкое прикосновение возбуждало его еще больше. Не в состоянии сдерживаться, он, вздрагивая всем телом, излился в нее. Он не помнил, когда в последний раз ему было так хорошо, а ведь она делала это впервые в жизни.

Соррель подняла голову. Она испытала потрясение и в то же время обрадовалась тому, что только что произошло. Девушка смущенно улыбнулась, потянувшись к Малику и жадно поцеловала его. Он застонал, почувствовав собственный вкус на ее губах.

Она быстро поднялась и направилась в ванную – прежде, чем он успел убедить ее остаться с ним.

Посмотрим, как ему понравится, когда его оставляют одного в таком состоянии, подумала Соррель, открывая кран с холодной водой.

Глава девятая

Ресторан находился на последнем этаже высокого здания, стоявшего на берегу Сены. Помещение было украшено цветами, а на стенах висели фотографии политиков и кинозвезд, когда-либо обедавших здесь.

В лифте тоже было много снимков, и когда они поднимались на шестой этаж, Соррель сказала, кивнув на фотографию президента:

– По сравнению с ним ты просто мелкая сошка.

Малик даже не дрогнул.

– Очень смешно, – приторно-сладким голосом ответил он. Если бы рядом с ними не стояли телохранители, он бы поцеловал ее... Или сделал что-нибудь еще. Впервые в жизни Малик был растерян. Он чувствовал изумление и злость одновременно. Там, в отеле, Соррель просто продемонстрировала ему новоприобретенную сексуальную силу? Или она ощутила, что имеет над ним власть?

Она играла с ним, с шейхом!

Когда двери лифта открылись и телохранитель вышел из лифта первым, как того требовал протокол, Малик склонился к Соррель и прошептал ей на ухо:

– Можешь стереть эту самодовольную улыбку со своего маленького ротика. Ты уговорила меня пообедать с Ксавье и его женой, но я не забыл о том, что произошло в отеле. – Он сомневался, что вообще сможет забыть о происшедшем, и оттого злился на Соррель еще больше. – Мы обсудим твоё поведение позже. Наедине.

Сердце девушки бешено заколотилось, но она смогла беззаботно произнести:

– Похоже, ты мне угрожаешь, Малик?

Придется ли ей пожалеть о том, что она сделала? Она знала: поступать так с человеком, который сам любит управлять, опасно.

– Я? – почти натурально поразился он. – Тебе только кажется.

Тут они вошли в ресторан, и им пришлось прервать беседу. Соррель видела, как все смотрят на них. Малик решил надеть европейский костюм, который должен был помочь ему не выделяться среди других посетителей. Но ничего не вышло – высокий рост шейха, его черные волосы, бронзовая кожа и властная твердая походка всегда привлекали внимание окружающих.

Ксавье и Лаура уже ждали их за столиком. Они встали, чтобы поприветствовать шейха и его спутницу.

Соррель впервые увидела младшего брата Малика, когда тот приехал в Харастан, чтобы познакомиться со своим отцом. Лаура, адвокат из Англии, сопровождала его. С тех пор прошла целая вечность, и Соррель поймала себя на том, что внимательно разглядывает Ксавье, отыскивая семейное сходство. Братья были совершенно непохожи, кожа Малика была темнее, и только могучее телосложение и одинаковый блеск черных глаз как-то сближали их.

Соррель помнила, с каким нетерпением народ Харастана ожидал свадьбы Ксавье и Лауры. Люди хотели, чтобы правящая семья возродилась, и надеялись, что молодожены решат остаться в этой прекрасной стране. Однако они решили вернуться во Францию, на родину Ксавье. Супруги жили в Париже, но решили построить дом в Харастане на берегу моря, чтобы, по словам Лауры, не терять связь со своими корнями.

– Почему вы не приехали к нам? Там нам было бы удобнее, чем в ресторане, даже в таком шикарном, – сказал Ксавье с улыбкой. – Я бы приготовил мидии, а Лаура угостила бы вас своим потрясающим яблочным пирогом. Она гордится тем, какой прекрасной домохозяйкой ей удалось стать. Правда, *cherie*?

– Ну, конечно! – воскликнула Лаура.

Это прозвучало так... *по-домашнему*, и Соррель невольно почувствовала зависть. Она заметила, что Малик слегка нахмурился, и задумалась, не вызвано ли его недовольство тем, как фамильярно с ним разговаривал Ксавье. Неужели тот барьер, который он возвел вокруг себя, не позволит его брату приблизиться к нему? По крайней мере, не только меня он держит на расстоянии, мрачно подумала девушка.

Малик пожал плечами.

– Может, там и в самом деле было бы лучше. Но, к сожалению, моя охрана настаивала на встрече именно тут.

– Только потому, что им надо как-то отрабатывать свою зарплату. А еще им нравится вся эта суeta вокруг тебя, возникающая, где бы ты ни появился, – сказала Соррель, и ее голубые глаза заблестели. Они оба знали: Малик мог бы не обращать внимания на возражения своих телохранителей.

За столом воцарилось молчание. Малик заметил, как Ксавье и Лаура переглянулись. На-

верняка они были удивлены, что шейх позволяет своей помощнице спорить с ним, и он не мог винить их за это.

Как она посмела открыто критиковать его? Кем она себя возомнила? Неужели она думает, что произошедшее в отеле дает ей право так себя вести? Ладно, придется ей преподать еще один урок, и на этот раз менее приятный, чем предыдущие. Они с Соррель с яростью посмотрели друг на друга.

– Итак, дорогая, тебе нравится быть помощницей Малика? – Лаура первой нарушила неловкое молчание. Она покачала головой, когда официант хотел наполнить ее бокал шампанским. – Нет, спасибо. Мне только воды. – Она вновь обратилась к Соррель, с пониманием глядя на нее. – С ним легко работать?

– К сожалению, я не могу сказать вам правду, потому что он сидит рядом, – с притворной застенчивостью ответила девушка.

Ксавье и Лаура весело рассмеялись – в отличие от Малика, который задумчиво разглядывал Соррель. От его взгляда ей стало не по себе, но он мог бы с самого начала предупредить ее, чтобы она сидела молча, если уж ему так этого хотелось.

– Что сейчас происходит в Харастане? – спросил Ксавье, когда они съели все, что было на их тарелках.

Малик улыбнулся.

– Страна развивается, и в культурном, и в экономическом плане. Нам удалось разведать новое месторождение нефти. Также была проведена удачная археологическая экспедиция. Сейчас мы хотим открыть музей на месте раскопок, но сначала придется проложить туда дорогу.

– Похоже, ты трудишься не покладая рук, – заметила Лаура. – А как обстоят дела с правами женщин? У них стало больше возможностей, чем тогда, когда я последний раз была в Харастане?

Малик посмотрел на Соррель и вдруг понял: он первый раз в жизни ужинает в окружении родных, а рядом с ним сидит его женщина.

Прежде женщины были нужны ему только для секса. Он расслаблялся с ними. Малик попытался представить, кого из них он бы мог взять сегодня с собой вместо Соррель, и не смог. Наконец он произнес:

– Думаю, моя помощница сможет ответить на ваш вопрос.

Соррель посмотрела ему в глаза. Несмотря на все их разногласия, она считала Малика лучшим правителем и безоговорочно уважала его в этом качестве.

– Мы многое уже сделали для того, чтобы женщины принимали участие в общественной жизни. Вообще, Малик... Малик борется за права женщин.

Шейх усмехнулся, услышав ее неловкий комплимент, но она говорила искренне, от всего сердца. Ей стало грустно, когда она увидела, как Ксавье взял жену за руку. Они любили друг друга и не стеснялись показать свою любовь всему миру. *Тогда как мы...*

Нет. Хватит. Нет никаких «мы». Есть только «я». Я влюблена в Малика. Я хотела, чтобы он стал моим любовником. Но он так и не стал им!

Девушка подозревала, что Малик не занимается с ней сексом, чтобы дать ей время подумать и расторгнуть их сделку. Какая-то часть его хотела видеть в Соррель всю ту же невинную маленькую девочку.

Он долго сдерживал себя, но сегодня ей удалось соблазнить его. Такой гордый мужчина, как Малик, не будет больше ждать, чтобы получить то, что принадлежит ему по праву. Она читала это в его глазах, когда он смотрел на нее.

Сегодня ночью он примет мой вызов и займется со мной любовью.

Но вместо возбуждения и нетерпения Соррель испытывала беспокойство. Она думала, что эта ночь может стать последней для них, ведь ей больше нечего будет предложить ему. Она лишится девственности, и их отношения прекратятся. Она станет лишь одной из многих любовниц Малика.

– Соррель?..

– Что? Ох, извини, Лаура. Я задумалась.

– Я вижу. – Лаура улыбнулась. – Пойдем поищем дамскую комнату. Пусть мужчины поговорят наедине.

Соррель кивнула, вставая из-за стола. Малик не сводил с нее глаз, любуясь ею. В ресторане

было много привлекательных, роскошно одетых женщин, но она выделялась среди них своей естественной красотой.

Когда женщины ушли, он повернулся к Ксавье, пристально смотревшему на него. Внезапно Малик понял: Соррель оказалась права. Он должен был встретиться с братом. Малик всегда сожалел о том, что он не успел подружиться с отцом. Разве он не сожалел бы еще больше, если бы не попытался наладить близкие отношения с братьями? Но то, что он пришел на встречу с Ксавье, – заслуга Соррель. Она заставила его решиться на это.

Малик поднял бокал.

– Я очень рад увидеть тебя снова, – сказал он и с удивлением понял, что говорит правду.

– Я тоже, брат, – Ксавье откинулся на спинку стула и посмотрел на Малика. – Мне ужасно хочется задать тебе один вопрос, но, к сожалению, у шейха такое не спрашивают.

– Тебе можно. Мы же братья, не правда ли?

На секунду их взгляды встретились, и Ксавье благодарно кивнул, поняв, что Малик действительно так считает.

– У вас все серьезно? – мягко спросил он. – С Соррель?

– Серьезно? – Малик был изумлен. – Как это может быть серьезно?

Его брат пожал плечами.

– Я чувствую, между вами что-то происходит.

– Но мы же препираемся весь вечер, – возразил шейх.

– Вот именно, – сухо сказал Ксавье. Он взглянул в сторону дамской комнаты. – Возможно, вы любовники?

Малик вздохнул и покачал головой. Все зависело от того, что понимать под этим словом.

– Нет. Она еще девственница, – медленно сказал он.

Глаза Ксавье сузились.

– Ах, вот оно что! Понятно. – Он опустил голову и посмотрел на свои руки. – Тогда оставь ее прямо сейчас. Или женись на ней.

– Я все понимаю! – воскликнул Малик. – Или ты думаешь, я сошел с ума?

Женщины вернулись за столик как раз к десерту. Лаура отказалась от шоколадного мусса – фирменного блюда ресторана – и заказала чашечку фруктового чая.

У выхода они распрощались. Малик пообещал супругам приехать в их дом на побережье, когда тот будет достроен. Соррель чувствовала себя несчастной, не зная, увидит ли еще когда-нибудь этих замечательных людей.

Когда они возвращались в отель в лимузине, ей стало еще хуже. Она почувствовала, что его отношение к ней изменилось. Малик не дотрагивался до нее – он даже не смотрел на нее! Он не флиртовал с ней, как обычно. Соррель поняла: между ними все кончилось, так толком и не начавшись.

Но ты же знаешь, почему, мрачно подумала она, ты переступила запретную черту, он утратил к тебе интерес. Он больше не уважает тебя.

Напрасно она пыталась себя убедить, что действовала, как равная ему, ей все равно было больно. Как же она хотела повернуть время вспять, чтобы исправить свою ошибку!

Малик смотрел в окно. По улицам, залитым неоновым светом, гуляли туристы. Машина проезжала по самым известным улицам Парижа, но мужчина думал только о Соррель. Малик не знал, как ему поступить. Если он лишит ее девственности, ему придется жениться на ней. Он всегда это знал, Ксавье просто озвучил то, что в глубине души он и сам понимал. И уже не в первый раз он спросил себя: не слишком ли высока цена вопроса?

Может, ему просто следует поступить так, как поступили бы многие мужчины на его месте? Забыть об интересах Соррель, провести с ней еще какое-то время, а затем найти себе подходящую жену, которая полностью подчинится ему...

В этот момент Соррель положила ногу на ногу, и черный шелк платья обтянул ее стройные бедра. Он подумал, надела ли она чулки, и почувствовал знакомое возбуждение. Сможет ли он не войти в нее, никогда не познать сладостное чувство единения, не достичь оргазма одновременно с ней? Он провел языком по внезапно пересохшим губам.

– Знаешь, Лаура беременна, – сказала Соррель, отчаянно придумывая тему для разговора.

Малик замер, сразу же выкинув из головы все мысли о сексе.

– Она сама тебе сказала? – хмуро спросил он.

– Ей даже не надо было говорить. Разве ты сам не видел? Она не пила шампанское, выглядела уставшей. Я расспросила ее, когда мы были в дамской комнате, и она мне все рассказала. – Соррель скрыла от Малика одну деталь: она чуть было не призналась Лауре, что влюблена в шейха. – Они ничего не говорят о ребенке, потому что боятся сглазить. У нее был выкидыш в прошлом году. Ты знал?

– Нет, – медленно сказал Малик. – Я ничего не знал.

– Она сейчас на третьем месяце, и, похоже, на этот раз все обойдется.

Соррель увидела, как потемнело его лицо. Как она могла быть такой идиоткой! Малик не просто узнал радостную новость, что его брат станет отцом. Ребенок Ксавье станет первым в новом поколении правящей семьи. Он продолжит династию, если у Малика не будет своих сыновей.

Она украдкой взглянула на неподвижное лицо шейха, но он, казалось, вовсе забыл о ней.

Малик думал о том, чем ему грозит появление на свет ребенка Ксавье.

Возможно, мне стоит задуматься о наследнике?..

* * *

Поддав знак телохранителям, чтобы они оставались в коридоре, Малик вошел в свой номер следом за Соррель.

Удивительно, как быстро все меняется. Всего лишь час назад самой главной моей проблемой была девственность Соррель. Я думал лишь о том, не заняться ли с ней любовью прямо сегодня.

Теперь же Малику приходится размышлять о гораздо более серьезных вещах. Он был шейхом, он отвечал за свою страну и свой народ. Поступал ли он честно по отношению к своим подданным, не задумываясь о семье и наследнике? Выполнял ли он свой долг до конца?

Соррель повернулась к нему, и Малик в который раз поразился, насколько она красива. Длинные, до талии, светлые волосы, огромные голубые глаза, розовые лепестки губ, крутой изгиб бедер. Она тоже превратилась для него в проблему. Он оказался круглым дураком – он должен был это предвидеть.

Малик хотел Соррель больше, чем любую другую женщину. Однако, если он лишит ее девственности, ему придется жениться на ней...

Но мне нужна жена!

Нужна именно сейчас!

Неужели сама судьба вновь вмешивалась в его жизнь, подсказывая ему решение всех его проблем?

Если он продолжит бездействовать, другой мужчина войдет в ее жизнь, ведь Соррель уже готова к любви. Мысль о том, что он не познает ее так, как ему хотелось, была для него невыносима. Теперь Малик был уверен, что поступает правильно.

– Соррель? – позвал он.

Она нахмурилась, чувствуя неладное.

– Да, Малик?

Помолчав, он собрался с силами и проговорил:

– Ты выйдешь за меня замуж?

Соррель ожидала услышать все, что угодно, только не это. Она посмотрела ему в глаза.

– Но почему?

Малик понял: он должен сказать ей правду.

– Мне нужна жена.

– Это все потому, что Лаура ждет ребенка? – медленно спросила она, отчаянно желая, чтобы боль не отражалась на ее лице.

– И поэтому тоже, – признался Малик.

– И, возможно, потому, что я – девственница?

Он напрягся.

– Да. Я ничего не могу предложить тебе взамен. Но я также не могу допустить, чтобы другой мужчина прикоснулся к тебе.

– Боже, какие важные причины! – с сарказмом произнесла Соррель. Зависть, жадность и

выгода – вот что стояло за его предложением. Он ни слова не сказал о своих чувствах, но это не удивило ее, для Малика она была всего лишь наивной дурочкой, готовой расстаться со своей девственностью. И он предложил ей за это самую высокую цену.

Малик видел, что Соррель раздумывает над его предложением. Но теперь, когда он принял решение, он не собирался отступить.

– Ты говорила мне, как сильно скучаешь по Харастану. Помнишь, как ты выразилась? Ты сказала, там осталась частичка тебя.

Ох, какой же он глупый. Разве он не понял, я скучала по нему куда больше, чем по Харастану.

– Не помню, чтобы я такое говорила, – холодно сказала Соррель.

– Но ты в самом деле скучаешь по Харастану. Я читаю это в твоих глазах каждый раз, когда ты говоришь о нем. – Малик помолчал. – Мне нужна женщина, способная помочь мне управлять моей страной. И я не смогу найти лучшей женщины. И еще, Соррель. Подумай, как отреагировал бы твой отец, если бы знал, что я тебе предлагаю? Только представь себе!

Каким умным и расчетливым он может быть, подумала Соррель. Он знал – эти слова действуют на нее сильнее любых других. Ее родители любили Харастан и передали свою любовь единственной дочери. И еще Малик знал: Соррель была очень близка со своими родителями. Иногда она думала, что он завидует ей. Однажды она даже сказала об этом матери.

– Малик ведет себя так, потому что у него никогда не было семьи, – объяснила та.

Соррель запомнила эти слова. Она старалась всегда быть рядом с Маликом и радовалась, когда ей удавалось увидеть улыбку на его всегда серьезном лице.

А вдруг мой отец вел свою игру? Может, именно поэтому он поступил так странно – заставлял Малику стать ее опекуном? Мечтал ли он о свадьбе любимой дочери со своим верным другом?

Нет. К черту пустые фантазии.

Но что ей оставалось делать, когда Малик стоял перед ней, такой любимый и желанный?

– Я спрашиваю тебя еще раз, Соррель, – мягко сказал он. – Последний раз, запомни. Ты выйдешь за меня замуж?

Глава десятая

Конечно, она согласилась. Что еще она могла сказать?

Она полюбила его много лет назад – задолго до того, как он стал шейхом, и любила до сих пор. Она не могла просто взять и разлюбить его, как бы сильно ни старалась, даже несмотря на его холодность, перепады настроения и раздражительность.

Но все же сказки не получилось – не было романтики, ощущения праздника и радости, которые обычно ассоциируются с предложением руки и сердца. Они спокойно обсудили планы на будущее, словно разговаривали о его рабочем расписании.

Естественно, Малик поцеловал ее. С такими же эмоциями он ставил печать на контракте. Потом он вызвал Фарика, который почтительно поклонился и поздравил его – с таким непроницаемым лицом, что Соррель так и не поняла, обрадовался тот или нет.

– Соррель должна сейчас же переехать в другой номер, – сказал Малик, и Фарик тут же кинулся выполнять приказ своего господина.

– Но почему? – прошептала Соррель. Темные брови Малика недоуменно приподнялись.

– Потому что до свадьбы ты должна оставаться девственницей.

Соррель горько рассмеялась. Он что, шутит? Однако, натолкнувшись на его серьезный решительный взгляд, она поняла: он говорит абсолютно серьезно.

– Но какая разница? Мы же помолвлены!

– Большая разница, Соррель, – резко сказал он. – Женой шейха может стать только невинная девушка.

Малик видел боль в ее огромных голубых глазах, но он не мог поступить иначе.

– Малик...

Он с такой яростью взглянул на нее, что она замолчала. Малик помнил, как совсем недавно он подчинился ее рукам и губам. Он ненавидел состояние беспомощности и злился на Соррель за то, что она сделала его таким. Однако его тело помнило каждый миг удовольствия, которое

она доставила ему.

– Даже не думай об этом, – мягко предупредил он. – Я знаю, ты хочешь продемонстрировать мне свою чувственность, и скоро тебе представится такая возможность. Но тебе придется подождать. Я хочу все сделать правильно.

– А если я не послушаюсь тебя? Если подойду и обниму тебя?

Малик спокойно смотрел на нее. Она должна запомнить два важных правила. Первое: его желания превыше всего. Второе: она обязана всегда подчиняться ему.

– Тогда свадьбы не будет.

– Но никто не узнает, девственница я или нет!

– Ты будешь знать. И я тоже. Только это имеет значение. В нашу брачную ночь ты придешь ко мне чистой и непорочной.

Малик увидел разочарование в ее глазах. Внезапно он почувствовал, что перестает контролировать происходящее и мир вокруг него погружается в хаос. Он не мог этого допустить. Мужчина заставил себя не обращать внимания на желание, переполнявшее его. Ждать действительно осталось не так уж и долго. Он прикажет, чтобы свадьба состоялась как можно скорее. Для этого придется изменить несколько законов, касающихся выбора невесты для правителя. Но для подданных слово шейха – закон!

– Поверь мне, Соррель, ожидание стоит того, – проговорил он. – К тому времени, как ты окажешься в моей постели, мы оба будем сгорать от страсти.

Она хотела, чтобы он успокоил и приободрил ее, но, похоже, Малик думал, что все дело в сексе. Могла ли она винить его за это? Она же практически навязывала себя ему. Женщины в Харастане не вели себя подобным образом. Даже если Малик хотел ее больше всего на свете, мог ли он уважать ее? Когда он утолит свое желание, что станет с их браком?

Но теперь поздно сомневаться. Я согласилась выйти за него замуж и должна сдержать свое слово.

К тому времени, когда они вернулись в Харастан, приготовления к свадьбе уже шли полным ходом. Журналисты всего мира просили жениха и невесту об интервью. У Соррель просто не было времени, чтобы спокойно все обдумать.

Она быстро поняла: отныне ее жизнь круто изменится.

Кто-то из ее бывших одноклассников продал прессе ее фотографию, на ней Соррель красовалась в одних шортиках. Люди, которых девушка едва помнила, рассказывали о ней журналистам невероятные, «достоверные» истории.

Затем в прессу просочилась информация о том, что Ксавье и Лаура ждут прибавления в семье, и ситуация усугубилась – когда перед свадьбой Соррель давала интервью, ее спросили, будут ли они с Маликом пытаться сразу же зачать ребенка.

Похоже, запретных тем для этих людей не существовало. Соррель считали частью общественной жизни и хотели знать о ней все. Но случилось и то, чего Соррель никак не могла предвидеть: многие годы она жила во дворце, плавала в огромном бассейне, скакала на лошадях, гуляла в саду и всегда чувствовала себя как дома... Теперь за ней наблюдали. Она больше не была Соррель, всеобщей любимицей. Ей надлежало стать женой шейха, и люди начали сторониться ее. Ее жизнь больше не была свободной, и теперь, оглядываясь назад, Соррель понимала: слишком многие простые удовольствия она воспринимала как должное.

Однако Малика она приняла безо всяких условий. Соррель не просила его о любви – возможно, потому, что знала – он не станет лгать ей. У нее был выбор – смириться с происходящим или уйти от Малика.

Уйти от Малика? Это выше моих сил. Она тряслась от страха, наряжаясь для предстоящей церемонии одна, отпустив всех служанок. Соррель боялась не справиться с эмоциями, боялась потерять самообладание на людях – непросительный промах для будущей супруги шейха.

Тишина в комнате оглушала ее. Соррель никогда не чувствовала себя такой одинокой, как в этот день. Как же она хотела, чтобы ее семья была с ней! Сквозь пелену слез Соррель смотрела на свое отражение в зеркале и размышляла о том, что бы сказали ее родители, увидев ее в свадебном платье. Малик прав, ее отец гордился бы своей дочерью, которая сегодня готовилась стать супругой правителя Харастана.

Но... заметила бы ее мать грусть в ее голубых глазах? Поняла бы, по каким причинам ее малышка так взволнована?

Соррель боялась, что слишком поспешно приняла предложение Малика и теперь будет сожалеть об этом. Как бы она хотела набраться храбрости и спросить будущего мужа, каким он представляет себе их брак. Но раньше у нее не было такой возможности, а теперь уже слишком поздно. Гости уже собрались, и всего лишь через час она станет супругой правителя Харастана. Женой мужчины, который не любит ее.

Резкий стук в дверь прервал ее невеселые мысли. Открыв дверь, она увидела своих будущих невесток, которые принесли ей букет. Они приехали неделю назад со своими мужьями, братьями Малика, и Соррель показывала им свои любимые местечки во дворце и в саду, пока шейх был занят. Он заперся у себя в кабинете, подготавливая проект закона, разрешающего их брак. Малик делал все для того, чтобы не оставаться наедине со своей невестой, за эти дни они парой слов не обмолвились.

Лаура сияла от счастья. Она выглядела великолепно в свободном шелковом платье, скрывающем ее растущий живот.

– Ты только посмотри! – воскликнула Алекса, жена Джованни, протягивая Соррель букет. – По-моему, это самые красивые розы, которые я когда-либо видела!

Соррель взяла букет и вдохнула аромат цветов. Лаура заметила, что у ее будущей невестки дрожат руки.

– Волнуешься перед свадьбой? – мягко спросила она.

– Конечно, – Соррель одарила ее улыбкой, которую всю неделю репетировала перед зеркалом. – А ты разве не волновалась?

– Еще как! – рассмеялась Лаура.

– Хватит болтать. Мы же пришли за невестой, пора отправляться на церемонию, – поторопила их Алекса. – Ты готова?

Соррель закусила губу. Готова ли она?

Любая женщина мечтает о свадьбе, и она тоже столько раз представляла себе этот день. Вот он и наступил.

Соррель медленно шагала по проходу, опустив глаза, в венке из цветов, который окружал бриллиантовую корону. Когда девушка подошла к Малику, она взмолилась про себя, чтобы он улыбнулся ей так, как мужчина должен улыбаться своей невесте. Но, когда Соррель подняла голову и посмотрела в его серьезное холодное лицо, она поняла: ее молитвы остались без ответа.

Наверное, он тоже сожалеет, что затеял все это...

Свадебная церемония прошла для Соррель, словно во сне. Она помнила, как они произносили слова клятвы, как отпивали по глотку сладкого сиропа из Кубка жизни. Наконец Малик застегнул на ее шее традиционные бусы из черных и серебряных бисерин – чтобы защитить их брак от зла – и они стали мужем и женой.

Со всех сторон посыпались поздравления, когда молодожены вышли во внутренний двор, украшенный гирляндами. Малик остановился, повернул Соррель к себе и провел кончиками пальцев по ее губам.

– Теперь ты стала моей супругой, – пробормотал он, глядя в ее прекрасное лицо. – Ты обещала подчиняться мне, но тем не менее я вижу, ты уже нарушила свое обещание.

Глаза Соррель расширились, и она прижала ладонь к пылающим щекам. Первые слова, которые она услышала от своего мужа, оказались упретом.

– Правда? Но я не понимаю....

Малик улыбнулся. Какой хрупкой и уязвимой она выглядела!

– Я просто дразню тебя, – мягко сказал он. – Помнишь, ты когда-то обещала мне, что всегда будешь распускать волосы для меня. – Его глаза вспыхнули от желания. Он жаждал привлечь ее к себе и поцеловать прямо сейчас. Но, к сожалению, было необходимо соблюдать правила приличия – по крайней мере до тех пор, пока они не окажутся в спальне. – Но я сам распушу их позже, когда мы останемся наедине.

Соррель смотрела на него, не в силах поверить, что он только что стал ее мужем. У нее даже возникло желание ущипнуть себя, чтобы проверить, не сон ли это. Но мысль о том, что она сделала ошибку, не покидала ее.

– Малик, я боюсь сделать что-нибудь неправильно.

– Тебе нечего бояться. Я научу тебя, как научил всему остальному. – Он подумал, что она слишком долго ждала удовольствия, и решил успокоить ее. – Ты очень чувственная, и ты стара-

тельная ученица, Соррель.

Она чуть не застонала от отчаяния. Ну почему он всегда все сводит к сексу? Или это такое изощренное наказание для молодых женщин, которые заявляют о своем желании иметь любовника? Потом их просто не принимают всерьез?..

– Я не об этом. Я имела в виду... В общем, я боюсь, твой народ не примет меня.

Малик приподнял ее подбородок, заставив ее посмотреть на него. Глядя в ее огромные голубые глаза, он мягко проговорил:

– Как ты можешь бояться? – он покачал головой. – Ты прекрасно выглядишь, и люди счастливы, что мы поженились.

– Это правда, Малик?

– Да, Соррель. Правда. Ты выросла здесь, тебя знают с детства и знают – ты любишь их страну. Ты же можешь книгу написать о Харастане и его обычаях! – Малик пожал плечами, видя, что Соррель все еще сомневается. – Всегда найдется кто-то, кто будет думать, что я не должен был жениться на иностранке. Но все зависит только от тебя – ты можешь завоевать сердца людей и доказать, что они были не правы. Ты только выглядишь как иностранка, но твое сердце здесь, Соррель. Все будет хорошо, но ты должна научиться скрывать свои сомнения и прятать истинные чувства. Ты обязана выглядеть уверенно, что бы ни случилось. Этого я хочу от тебя. А теперь пора поприветствовать наших гостей.

Соррель взяла его за руку, и они направились к гостям. Зазвучали фанфары, и молодоженов осыпали лепестками роз. Малик настоял на том, чтобы европейские традиции тоже были соблюдены на их свадьбе, но для Соррель этот день превратился в настоящий тест на выносливость.

Она все время думала о том, что Малик сказал о чувствах. Конечно, сам он постоянно скрывал свои эмоции, неужели и ей придется сдерживать себя? На людях, пожалуй, это даже разумно, но что ей следует делать, когда они останутся наедине?

Могли ли они позволить себе *чувствовать*?

Но Соррель понимала: она сама сделала свой выбор. Малик не заставлял ее выходить за него замуж, он спокойным, ровным тоном сделал ей предложение, и она приняла его. Она поступила, как взрослая разумная женщина, и ей лучше продолжать действовать в том же духе.

Если нельзя получить все, что хочешь, довольствуйся тем, что имеешь...

Их спальня была залита светом свечей, расставленных повсюду, и насыщенный аромат эфирных масел наполнял комнату.

Соррель снимала свадебное платье, размышляя о том, что все эти древние ритуалы не настолько нелепы, как она думала раньше. Она поняла, почему Малик настаивал, чтобы она пришла к нему невинной в эту особенную ночь. Она теперь жена шейха, она *должна была* оставаться нетронутой.

– Соррель?

Она услышала его голос – низкий, бархатный, густой как мед, с сексуальным акцентом, который всегда посылал волны дрожи к ее позвоночнику. Соррель повернулась и прошептала:

– Да, Малик?

Он подошел к ней и провел рукой по ее волосам, все еще уложенным в высокую прическу.

– Я хочу распустить твои волосы, – хрипло сказал он.

Малик осторожно снял с нее бриллиантовую корону, вытащил все до одной жемчужные шпильки, и ее волосы прядь за прядью рассыпались по плечам. Он делал это очень медленно и чувственно, словно в предвкушении того, что должно было между ними произойти. Как будто все мечты Соррель вдруг стали реальностью – Малик, ее муж, стоял перед ней в их первую брачную ночь.

– Я так долго мечтал об этом, – мягко проговорил он.

И она тоже. Как же долго она ждала! Но почему-то сейчас она не могла пошевелиться от смущения. Это уже была не эротическая схватка – как тогда, в Париже, а акт подчинения жены своему мужу.

Необходимость их союза продиктована желанием Малика иметь наследника, и любовь здесь ни при чем. Но это же не значит, что между ними не может быть нежности, демонстрировать которую во время их уроков страсти Соррель запрещалось? Разве их многолетняя дружба не имела значения?

– Соррель... – голос Малика дрожал от еле сдерживаемого желания. Он хотел ее так сильно, что ему было больно, но он понимал: ее первый раз должен стать незабываемым. – Ты знаешь, как сильно я тебя хочу? Как ночь за ночью я мечтал об этом, мечтал, что ты будешь лежать обнаженная в моей постели? И ты тоже представляла себе это, правда? – с удовлетворением сказал он.

– Да, – прошептала Соррель, глядя на его искаженное вожделением лицо.

– Мне кажется, на тебе слишком много одежды, – чувственно промурлыкал он. – Да и на мне тоже. Как же я хочу сорвать все это с тебя. Можно, я сниму ее? – он провел пальцем по прозрачной ткани ее ночной рубашки.

– Д-да... – повторила девушка и удивилась, куда же подевалась та уверенная в себе Соррель, которая когда-то так смело соблазнила Малика? Неужели торжественность и значимость сегодняшнего дня повлияла на нее?

Малик положил Соррель на кровать, снял с нее рубашку и начал раздеваться сам. Прежде он уже не раз имел возможность любоваться ее прекрасным телом, но она никогда не была полностью обнажена. Он сам настаивал на том, чтобы на ней всегда оставались кружевные трусики, словно хотел соблюсти правила приличия. А Соррель только один раз – тем вечером в Париже – видела Малика без одежды.

И сейчас его великолепное обнаженное тело предстало перед ней. От него исходила сила и скрытая мощь. При свете свечей его бронзовая кожа сияла, и страхи Соррель вернулись. Она хотела сказать ему, что действовала импульсивно, признавшись в своем желании завести любовника, что совсем не ожидала его предложения... Она хотела попросить его быть нежным с ней, но не знала, услышит ли он.

Лицо шейха превратилось в застывшую маску – так сильно он хотел ее.

– Малик... – выдохнула Соррель, когда он лег на кровать и прижался к ней.

Он начал ласкать ее, глядя пальцами самые укромные уголки ее тела. Затем он вошел в нее. Он оказался великолепным любовником – знал, когда проникнуть глубже и когда отступить. Сначала ей было больно, но первое проникновение доставило ей острое удовольствие. Затем он сделал все, чтобы уменьшить ее боль, целуя ее лицо, губы, шею, грудь. Соррель чувствовала, как он напрягается внутри нее, и не могла больше сдерживаться. Она прижалась к Малику, ее тело сотрясало от наслаждения.

– Малик... – простонала она.

Соррель не в первый раз испытывала оргазм, но сейчас все было по-другому. Она поняла: это ощущение не сравнимо ни с чем, и она уже никогда не станет прежней. Разрядка Малика последовала почти сразу же, и из его груди вырвался неистовый крик.

Он вышел из нее, поцеловал ее волосы и рассеянно погладил по щеке, как будто был уже далеко от нее. Малик отодвинулся на край кровати и повернулся на спину. Соррель внезапно показалось, что между ними не маленькое расстояние, а миллионы километров. Она почувствовала, как в ее душе нарастает паника.

Так всегда происходит после секса, когда желание удовлетворено и больше нет необходимости находиться рядом? Тогда почему я испытываю такое опустошение?

Потому что он не любит меня, а я все еще мечтаю о его любви.

Малик мог бы притвориться, но он не тот человек, чтобы говорить то, чего на самом деле нет.

Соррель резко, до боли, закусила губу, ощущая вкус крови, и быстро заморгала, прогоняя подступившие слезы.

Малик лежал, уставившись невидящим взглядом в потолок. Он думал о том, какой путь ему пришлось пройти, чтобы оказаться там, где он находился в этот момент. Когда-то его принесла во дворец женщина, принимавшая роды у его матери, шейх приютил мальчика, но воспитали его слуги, и о своем происхождении он узнал только незадолго до смерти отца.

Жизнь Малика оказалась рядом испытаний, препятствий, которые ему постоянно приходилось преодолевать, одни – с помощью холодного расчета, другие – с помощью инстинкта. Но самой большой проблемой для него всегда являлись отношения с другими людьми, особенно с Соррель. Но теперь Малик наконец-то понял, к чему он шел все эти дни, месяцы, годы, и почувствовал спокойствие и гармонию. Он закрыл глаза и тут же уснул.

Соррель лежала, оцепенев от изумления, пока глубокое ритмичное дыхание лежащего ря-

дом с ней мужчины не убедило ее, что она не ошиблась.

Малик спит!

Эмоции, переполнявшие ее, вырвались наружу, и слезы потекли из уголков ее закрытых глаз. Соррель вытирала их, но они появлялись снова и снова. Она могла разбудить Малика, но ей не хотелось, чтобы он спросил ее, почему она плачет в свою первую брачную ночь.

Соррель соскользнула с постели, вздрогнув, когда ее обнаженные ступни коснулись холодного пола. Она стеснялась своей наготы, но не решилась взять с кровати свою ночную рубашку, чтобы не разбудить Малика.

Соррель задула свечи и прошла к окну. Сад был прекрасен в лунном свете, но она не обратила на него внимания. Слезы душили ее, и она вновь предприняла попытку сдержать их, но было уже поздно – темная фигура на кровати пошевелилась.

На секунду Малик замер, пытаясь понять, что его разбудило. Обычно он спал очень чутко – сказывался опыт ночевки в пустыне. Но со змеями, скорпионами и хищниками он мог справиться...

А со своей женой, плачущей в первую брачную ночь, – нет.

Он нахмурился в полумраке.

– Наверное, многие женщины плачут, потеряв девственность. Говорят, оргазм – это маленькая смерть.

Соррель не поворачивалась к нему, просто кивнула головой. Ее плечи тряслись.

– Да, скорее всего, так и есть! – всхлипнула она. – И чувства здесь ни при чем. Потому что тебя волнует только *секс*, не так ли, Малик?

Малик был шокирован ее словами. Он сел в кровати, обернув простыню вокруг бедер, и посмотрел на Соррель. Невольно он залюбовался ее прекрасной обнаженной женственной фигурой, посеребренной лунным светом и роскошными длинными волосами, спускающимися до талии.

Малик захотел узнать у нее кое-что прежде, чем она повернется и посмотрит на него своими колдовскими голубыми глазами.

– Ты несчастна? – резко спросил он.

– Да!

– Возможно, ты уже жалеешь, что вышла за меня замуж?

– Да, Малик, – выкрикнула она, и эти слова шли от самого сердца. – Да, жалею!

Глава одиннадцатая

В комнате стояла тишина, нарушаемая только всхлипами Соррель, которые становились все тише и тише по мере того, как она успокаивалась. Она слышала, как вспыхнула спичка, и вокруг стало светлее – Малик решил зажечь все свечи. Она больше не могла стоять спиной к мужу и повернулась к нему. Соррель ожидала увидеть ярость на его лице, но все равно невольно отшатнулась от него, столько злобы было в его взгляде.

– Может, имело смысл подумать об этом *перед* свадьбой?

Сейчас Соррель чувствовала себя беззащитной, как никогда. Она стояла обнаженной перед разъяренным мужчиной, почти ощущая физически его презрение. Глубоко вздохнув, чтобы сдержать слезы, готовые вновь пролиться из ее глаз, она прошла к одному из низких диванчиков и схватила накидку, в которой была днем.

– Я думала... что...

– Нет. И в этом все дело! – воскликнул он, с трудом подавляя желание с силой ударить кулаком по стене. – Ты *не думала*. Если у тебя появились сомнения, ты могла бы поделиться со мной!

Она хотела сказать ему, что ей было трудно поделиться с ним чем бы то ни было, потому что жили они на разных половинах дворца и встречались только за ужином. Но даже если бы у нее была возможность, смогла бы она сказать ему о своих чувствах?

Малик никак не мог успокоиться. Он выбрал Соррель в жены – несмотря на то, что она была иностранкой. Он восхищался ее умением легко приспосабливаться к любой ситуации. Она обожала Харастан, но не была рождена здесь. Женщина из Харастана скорее пройдет босиком по раскаленным пескам пустыни, чем расторгнет брак. Европейской женщине ничего не стоит раз-

рушить этот священный союз без сожаления.

Я – шейх. Каким же дураком я буду выглядеть, если мой брак распадется еще до того, как слуги подметут лепестки роз.

Но он, лучше чем кто бы то ни было, знал: единственный способ побороть страх – встретиться с ним лицом к лицу.

По крайней мере, в теории это так...

– Ты хочешь развестись? – требовательно спросил он.

Соррель всхлипнула.

– А ты?

– Конечно, я не хочу разводиться, – зло сказал он. – Моей репутации придет конец, если я это сделаю.

Надежда, которая начала было зарождаться в сердце Соррель, умерла.

– Да, мы не можем этого допустить, правда?

Его первым порывом было резко ответить ей, чтобы заглушить свою боль и ярость от того, что она разговаривала с ним таким тоном. Но за ее сарказмом он услышал отражение собственной боли и пристально посмотрел на нее.

Малик немного знал о женщинах – не считая того, что он умел доставить им удовольствие в постели. Он всегда сторонился людей – его мать умерла при родах, и окружающим постоянно хотелось пожалеть маленького сироту, а жалость – последнее чувство, которое Малик хотел вызывать в людях. Вот Соррель не жалела его. Она была нежна и добра к нему, но однажды все изменилось – словно кто-то вынул из ее сердца нежность и доброту, оставив только боль и злость.

– Что ты хочешь, Соррель? – мрачно спросил он.

Она могла бы сказать: мне нужна твоя любовь, но тогда она стала бы похожа на ребенка, выпрашивающего у родителей золотую карету как у Золушки. Просить имеет смысл только то, что можешь получить.

Никто никогда не обещал тебе, что твое заветное желание исполнится...

– Боюсь, наш с тобой брак будет таким же, как и у твоего отца. Ты станешь путешествовать по миру, заниматься любовью с женщинами, а они будут рожать тебе детей.

Она сказала это специально, чтобы ранить меня?

– Мой отец сделал то, чего ожидал от него народ Харастана, – с болью произнес Малик. – Его жена не могла иметь детей, а шейху нужен наследник.

– Так тебе он тоже нужен.

Малик хотел сказать: у нас *могут* родиться дети, но промолчал.

Зачем заглядывать в будущее? Возможно, у нашего брака его нет...

– У Ксавье скоро будет ребенок.

– Я думала, это и есть одна из причин, по которой ты женился на мне.

– Возможно, – признал он. – Но одного этого недостаточно. Так же, как недостаточно твоей девственности.

Вот теперь Соррель испугалась по-настоящему – одно дело, когда она говорила о своих сомнениях, и совсем другое – когда это делал Малик. Слова – удел женщин, а мужчины должны действовать. А сейчас Малик говорил так, словно и в самом деле хотел расторгнуть их брак.

– Что ты имеешь в виду, говоря: «этого недостаточно»?

Впервые в жизни Малик чувствовал себя беспомощным. Даже когда подтвердились слухи о том, что он – сын шейха, ему не было так страшно.

– Я так хочу вернуть то, что было между нами когда-то, – просто сказал он.

Соррель изумленно уставилась на него.

– Что именно? – прошептала она.

– Легкость, с которой мы с тобой общались. Мне нравилось, что ты была рядом со мной, но я это понял, только когда ты ушла.

Он пожал плечами. Ему всегда говорили, что он должен вести себя как мужчина. Первый урок, который он усвоил, гласил: мужчины не демонстрируют своих чувств. Рядом с Маликом не было любящей матери, которая могла бы сказать ему, что это совсем не так.

– Возможно, секс усложнил наши отношения, – медленно сказал он. – Но я так сильно желал тебя, Соррель. Когда я вошел в твою квартиру и увидел тебя в той откровенной одежде, – его голос стал хриплым, а глаза вспыхнули, – я внезапно понял, как сильно я тебя хочу.

– Малик... – перебила его Соррель. Она поняла, что больше не сможет молчать. Полуправда тоже способна причинять боль. Он должен знать, что она чувствует к нему. Скрывать это от него и дальше было бы жестоко. – Я плакала потому, что люблю тебя, – тихо сказала она. – И всегда любила. Вот почему я уехала. Ты в упор не замечал меня, и я не могла ждать, пока ты возьмешь в жены другую женщину. Я бы просто не вынесла этого. Я плакала, потому что ты никогда не ответишь мне взаимностью...

Его глаза сузились.

– Так ты не хочешь уйти от меня?

– Конечно, не хочу, – прошептала она. *Как он мог так подумать?* Внезапно Соррель поняла: Малик просто не знал, как реагировать на ее слова. Он просто не умел, ведь никто и никогда прежде не говорил ему, что любит его. – Ни за что на свете.

Малик вздохнул, когда она дотронулась кончиками пальцев до его губ, вглядываясь в любимое лицо. В его глазах она увидела то, во что не могла поверить, но в ее сердце зажегся огонек надежды.

Она любила Малика, мечтала о его любви, и, возможно, он мог бы когда-нибудь подарить ей счастье...

А пока она просто будет рядом, доказывая ему свою преданность и уважение. Она станет помогать ему во всем, если он ей позволит.

– Я люблю тебя, Малик. Я так тебя люблю.

К его горлу подкатил комок, когда он понял, что она открыла ему свое сердце, не побоялась рассказать о своих чувствах. Все вдруг стало так просто и ясно, у него словно пелена упала с глаз.

Малик понял, почему он так скучал по ней и хотел ее. Понял, почему ему казалось, что его сердце разобьется, если она еще раз уедет от него.

Ему было трудно говорить, но не мог не сказать:

– Я тоже тебя люблю, Соррель. Я люблю тебя, – повторил он.

Малик был изумлен новым чувством, так внезапно нахлынувшим на него. Любовь наполнила его сердце, как солнечный свет озаряет темную комнату, а вслед за ней пришли радость, покой... и вожделение.

Да, он хотел ее, но теперь это было не просто желание. С нежностью он обхватил лицо Соррель руками и прошептал ее имя.

– Малик?... – робко отозвалась она, все еще не решаясь поверить в чудо.

Он наклонил голову, едва касаясь губами ее губ, чувствуя ее теплое дыхание. За секунду до того, как он поцеловал ее, его глаза вспыхнули от восторга, а тело напряглось, как никогда раньше.

– Я тебя люблю, – вновь сказал он. – И я собираюсь показать тебе, *насколько* сильно.

Малик отнес Соррель на кровать. Впервые в жизни он преклонялся перед своей женщиной. Ни один сантиметр ее мягкой бархатистой кожи не остался без изысканной ласки. Внезапно все те действия, которые он выполнял множество раз, приобрели для него новый смысл, словно он оказался в другом измерении, где цвета ярче, звуки громче, а ощущения реальнее. Малик чувствовал: на этот раз соединялись не только их тела, но и души.

Когда все закончилось, он лежал, обнимая Соррель, и слезы катились по его щекам. Он провел ладонью по ее лицу и понял: она тоже плачет. Только сейчас он начал понимать, что плакать можно не только от горя, но и от счастья, и в слезах нет ничего постыдного. Тем более в спальне с любимой женщиной, с которой он мог быть мужчиной в большей степени, чем с кем-либо другим.

Малик крепко прижал Соррель к себе, поцеловал и сказал ей на ухо:

– Я никогда не отпущу тебя, моя королева, моя жена, моя любовь.

Она поцеловала спутанные волосы мужа и обняла его в ответ, чувствуя, что сгорает от любви к нему.

Эпилог

Соррель сидела перед зеркалом, расчесывая свои длинные волосы, пока они не рассыпались по плечам блестящим водопадом. Она зевнула. Вечер оказался очень длинным, но успеш-

ным. Сегодня праздновали открытие первой части новой дороги, которая должна протянуться от столицы на запад через всю страну. В один прекрасный день она достигнет гор, отделяющих Харастан от соседней страны. С появлением этой трассы сюда станут приезжать туристы, и множество людей смогут получить работу, в которой так нуждаются. Однако нашлись и те, кто выступал против строительства дороги.

– Люди всегда противятся прогрессу, Соррель, – тихо сказал Малик, когда она передала ему слова недовольства, которые она слышала, – в основном от иностранцев.

– Они не хотят перемен, – согласилась она.

– Всегда найдется камень преткновения, – улыбнулся Малик.

Им обоим пришлось привыкать к большим переменам, гораздо более серьезным, чем у обычных молодоженов, – они не только адаптировались к семейной жизни, Соррель должна была научиться быть супругой шейха. Она словно каталась на американских горках – у нее кружилась голова, захватывало дух, и порой она уставала от этого.

Чтобы она имела возможность отдыхать, Малик поручил ведущему архитектору Харастана руководить постройкой дома на побережье, недалеко от коттеджа Ксавье и Лауры. Джованни и Алекса тоже решили купить там землю.

Дом для Малика и Соррель построили, и он очень понравился молодой женщине. Они с мужем собирались отправиться туда завтра, и Соррель с нетерпением ждала этой поездки.

– Ты еще не спишь! – услышала она довольный голос мужа.

Он встал позади нее так, что она могла видеть его отражение в зеркале. Она откинула голову и прислонилась к нему.

– Я всегда дожидаюсь тебя, – обиженно проговорила Соррель, но тут же растаяла от удовольствия – Малик начал массировать ее плечи.

– Я знаю, мой ангел. – Он поцеловал ее макушку и нахмурился. – Но мне показалось, сегодня ты выглядела уставшей.

Каким чутким он стал, подумала Соррель с любовью. Он прав, она действительно устала, но и на то есть причина...

– Да, но совсем немного, – она улыбнулась, предвкушая, как сообщит ему новость, и встала с кресла. Обняв Малика, она спросила: – Помнишь, ты просил меня найти твои записки? Те, которые Джованни и Алекса подарили тебе на день рождения в прошлом году?

Он поднял ее руку и поцеловал кончики ее пальцев.

– Да, и что?

– Я их нашла в ящике комода в твоей гардеробной... – Она помолчала, а затем продолжила: – Я нашла еще кое-что.

– Правда? – он рассмеялся. – И что же?

Соррель взяла с туалетного столика маленькую шкатулку и протянула ее Малику. Это был дешевый сувенир, украшенный ракушками, с надписью «Брайтон» на крышке. Тысячи подобных вещей дети привозят с летних каникул.

Малик посмотрел на шкатулку и улыбнулся.

– Ах, это!

– Это я купила тебе ее, правда? – дрожащим голосом спросила она.

– Да, любимая. По-моему, тебе тогда было лет десять.

– И ты все это время хранил ее?

Взгляд Малика смягчился – он уже понял, что может показывать свои чувства жене, своей прекрасной, любимой Соррель.

– Да, я хранил ее. До тебя мне никто и никогда не дарил подарков. – Он взял коробку, задумчиво повертел ее в руках и посмотрел на Соррель. – Как хорошо, что именно ты подарила мне ее.

В комнате воцарилась тишина, и после нескольких бесконечно долгих ударов сердца Соррель мягко сказала:

– У меня есть еще один подарок для тебя. Думаю, он понравится тебе еще больше.

Глаза Малика сузились, когда он посмотрел на пылающие щеки жены. Он так хорошо ее знал, но, тем не менее, каждый день открывал в ней все новые грани. Эта мягкая, почти сияющая Соррель была ему незнакома.

– Соррель?

Смутившись, она опустила голову, но когда она вновь посмотрела на него, ее глаза сверкали от гордости.

– Я беременна, – прошептала она и кивнула в ответ на его недоверчивый взгляд.

– У нас будет ребенок?

– Да, – ответила Соррель и рассмеялась. – Да!

Они оба хотели ребенка, но никогда не говорили об этом. У Малика не было своей семьи, а Соррель давно потеряла родителей. Для них ребенок значил больше, чем они могли признать самим себе.

– Когда?..

– Я только что узнала... срок еще маленький... но...

Малик вскрикнул от радости, опустил шкатулку на стол и обнял Соррель.

– Тебе надо отдохнуть? – поинтересовался он.

– Нет, любимый.

– Тебе надо отдохнуть! – твердо возразил он, поднял жену на руки и отнес на низкий диван у окна.

– Хорошо, любимый. – Соррель улыбнулась.

Малику не мешало бы узнать, что беременность – вовсе не болезнь и беременной женщине даже вредна чрезмерная опека.

Но об этом я ему расскажу потом.

А сейчас пусть суетится возле меня. Я знаю – ему это необходимо.

Ребенок означал для шейха и его супруги не только продолжение династии. В конце концов, они были обычной влюбленной парой, и этот ребенок стал плодом их любви.

Малик опустился на колени перед Соррель, поцеловал пальчики ее ног и посмотрел на шкатулку с ракушками – единственный *настоящий* подарок, который он когда-либо получал... До сегодняшнего дня. Соррель выросла, вернулась к нему и подарила нечто более ценное, чем все изумруды и рубины его казны, даже чем маленькая шкатулка...

Самый ценный дар на свете...

Дар любви.

Файл: Шэрон Кендрик - Мастер соблазна
Каталог: I:\HARLEQUIN
Шаблон: C:\Documents and Settings\Admin\Application
Data\Microsoft\Шаблоны\Normal.dot
Заголовок: Мастер соблазна
Содержание:
Автор: Шэрон Кендрик
Ключевые слова:
Заметки:
Дата создания: 13.06.2011 18:36:00
Число сохранений: 2
Дата сохранения: 13.06.2011 18:36:00
Сохранил: FSV
Полное время правки: 0 мин.
Дата печати: 09.09.2011 0:57:00
При последней печати
 страниц: 52
 слов: 26 741 (прибл.)
 знаков: 152 430 (прибл.)